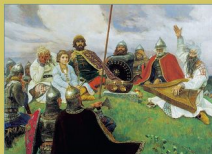

КЛАССИКА В ШКОЛЕ

А. С. Пушкин

*История России
в рассказах для детей*

Александра Осиповна Ишимова История России в рассказах для детей

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=617095

Ишимова А. О. История России в рассказах для детей : Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-48130-9

Аннотация

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучаемые в начальной и средней школе. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков. В книгу включена «История России в рассказах для детей» А. О. Ишимовой для младшей и средней школы.

Содержание

Славяне	4
Начало Русского государства и первые государи русские	7
Святая Ольга	11
Крещение русского народа	13
Владимир Мономах	15
Начало Москвы	17
Первое стихотворение русское	19
Нашествие татар	21
Россия покоренная	27
Святой Александр Невский	30
Иоанн Калита и Москва, столица России	33
Русские дети	36
Донское сражение, или Куликовская битва	38
Вера и набожность русских	42
Рождение Петра I	44
Начало русского флота и первая победа Петра	47

Александра Осиповна Ишимова

История России в рассказах для детей

*Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*

Жуковский

Славяне до 862 года христианского летосчисления

Милые дети! Вы любите слушать чудесные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебницах. Но, верно, для вас еще приятнее будет слышать не сказку, а быль, т.е. сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков.

В старину в отечестве нашем, России, не было таких прекрасных городов, как Петербург и Москва. На тех местах, где вы любуетесь теперь красивыми строениями, где вы так весело бегаете в тени прохладных садов, некогда были непроходимые леса, топкие болота и дымные избушки; местами были и города, но вовсе не такие обширные, как в наше время. В них жили люди, красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, честные, добрые и ласковые дома, но страшные и непримиримые на войне. Их называли славянами. Верно, и самые маленькие из вас понимают, что значит *слава*? Славяне старались доказать, что недаром их называли так, и отличались всеми хорошими качествами, которыми можно заслужить славу.

Они были так честны, что в обещаниях своих вместо клятв говорили только: «Если я не сдержу моего слова, *да будет мне стыдно!*» – и всегда исполняли обещанное; так храбры, что и отдаленные народы боялись их; так ласковы и гостеприимны, что наказывали того хозяина, у которого гость был чем-нибудь оскорблен. Жаль только, что они не знали истинного Бога и молились не ему, а разным идолам.

Идол – значит статуя, сделанная из дерева или какого-нибудь металла и представляющая человека или зверя.

Славяне разделялись на разные племена. У северных, или новгородских, славян не было и государя, что бывает у многих необразованных народов: они почитали начальником своим того, кто более всех отличался на войне. По этому вы видите, как они любили войну и все соединенное с ней. На поле, где сражались они и потом торжествовали победу или славную смерть погибших товарищей, можно было всего лучше видеть истинный характер славян. Жаль, что до нас не дошли песни, которые обыкновенно пелись в это время певцами. Мы хорошо узнали бы тогда их самих, потому что в песнях народных выражается народ. Но я могу предложить вам здесь несколько строк, из которых вы все-таки получите понятие о славянах.

Это отрывок из «Песни барда над гробом славян-победителей» Жуковского:

«Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань – враги утихли расточенны!
Лишь пар над пеплом сел густой;
Лишь волк, сокрытый нощи мглой,
Очами блещущий, бежит на лов обильный;
Зажжем костер дубов; изройте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах.
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священной!»

Гремит... раздался гул в дубраве пробужденной!
Стеклись вождей и ратных сонм;
Глухой полнощи тьма кругом;
Пред ними вещий бард, венчаный сединою,
И падших страшный ряд, простертых на щитах.

Объяты думою, с поникнутой главою;
На грозных лицах кровь и прах;
Оперлись на мечи; среди них костер пылает,
И с свистом горный ветер их кудри воздымает.

И се! воздвигся холм, и камень водружен;
И дуб, краса полей, воспитанный веками,
Склонил главу на дерн, потоком орошен;
И се! могущими перстами
Певец ударил по струнам —
Одушевленны забряцали!
Воспел – дубравы застенали,
И гул помчался по горам.

Эта картина из жизни древних славян представлена прекрасно и верно.

Но эта самая воинственность, охраняя землю их, была причиной и большого зла для нее.

Вы слышали уже, что, не имея государей, они почитали начальником своим того, кто более других отличался на войне, а так как они все были храбры, то иногда случалось, что таких начальников было много.

Каждый из них хотел приказывать по-своему; народ не знал, кого слушать, и оттого были у них беспрестанные споры и несогласия. А ведь вы знаете, как несносны ссоры! И вам в ваших маленьких делах, верно, случалось уже испытать, какие неприятные последствия имеют они.

Славяне также видели, что во время несогласий их все дела шли у них дурно, и они даже переставали побеждать своих неприятелей.

Долго не знали они, что делать, наконец придумали средство привести все в порядок.

На берегах Балтийского моря, не очень далеко от отечества нашего, жил народ по имени варяги-русь, происходивший от великих завоевателей в Европе – норманнов.

Эти варяги-русь считались народом умным: у них давно уже были добрые государи, которые заботились о них так, как заботится добрый отец о детях, были и законы, по кото-

рым эти государи управляли, и оттого варяги жили счастливо и им удавалось даже иногда побеждать славян.

Вот старики славянские, видя счастье варягов и желая такого же своей родине, уговорили всех славян отправить послов к этому храброму и предприимчивому народу – просить у него князей управлять ими.

Послы сказали варяжским князьям: «Земля наша велика и богата, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами».

Начало Русского государства и первые государи русские 802–944 годы

Варяги-русь были рады такой чести, и три брата из князей их – Рюрик, Синеус и Трувор – тотчас поехали к славянам. Рюрик сделался государем в Нове-городе¹, самом старинном из городов славянских, Трувор – в Изборске, Синеус – в земле, лежащей около Белого озера. От этих-то варяго-русских князей славяне начали называться *русскими*, а земля их *Русью*, или *Россией*. Синеус и Трувор скоро умерли, и Рюрик сделался одним великим князем русским и основателем Русского государства. Он княжил счастливо два года с братьями и пятнадцать лет один.

Есть стихи, написанные одним из лучших поэтов наших, Державиным, на победы, одержанные русскими в Италии, во времена позднейшие, и в этих стихах есть изображение Рюрика. Так как всякое поэтическое описание гораздо живее действует на ум и долго остается в нем, нежели сделанное прозой, то я уверена, что вы навсегда оставите в памяти черты, в которых великий поэт представил первого государя России:

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушает времен? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских² твердость стен?
Так, он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времен его хвала.
Так, он! – Се Рюрик торжествует
В Валкале³ звук своих побед
И перстом долу показывает
На росса⁴, что по нем идет.

После Рюрика остался маленький сын его Игорь, который еще не мог быть государем, и для того Рюрик просил своего родственника и товарища – Олега управлять государством, пока не вырастет Игорь. Олег был храбр и умен, победил много соседних народов и так увеличил Россию, что при нем она простиралась почти до гор Карпатских, которые лежат в Венгрии. Но Олег не совсем заслуживал похвалы. Вы увидите это сами.

Вместе с Рюриком приехали к славянам многие варяги, которые еще на родине служили ему и, любя доброго начальника, не хотели расстаться с ним. Рюрик за это усердие дарил некоторым из них деревни и селения славянские: от этого появились у нас *помещики*,

¹ Т.е. в Новгороде (*прим. ред.*).

² Здесь говорится о завоеваниях норманнов, которыми они приводили в ужас Западную Европу.

³ Так назывался рай у языческих норманнов.

⁴ Это относится к Суворову.

т.е. такие бояре, которые владели людьми и землями. Но не все помещики были довольны своими поместьями: иным казалось веселее искать счастья на войне, нежели сидеть дома. Надобно сказать, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что, будучи язычниками, они почитали непременно долгим мстить за обиды, а обижали они друг друга очень часто. К тому же они мало учились и не понимали приятностей мира, который доставляет нам возможность предаться занятиям тихим, сладостным для сердца и полезным для ума. Они думали только о том, чтобы сражаться и побеждать своих врагов.

Двое из таких смелых воинов, Аскольд и Дир, отправились с товарищами к югу от Новгорода и на прекрасных берегах реки Днепр увидели маленький городок, который им очень понравился. Этот городок был Киев. Они, недолго думая, завладели им и сделались государями киевскими. Это государство можно назвать Южным, потому что оно лежало к югу от Новгородского.

Олег, управляя Новгородом после смерти Рюрика, слышал, что все приезжавшие из Киева хвалили новое княжество, и вздумал завоевать его. Но он знал, что князья киевские и народ их храбры, что они будут сражаться с такою же смелостью, как и его воины, и потому решил употребить хитрость. Подойдя к Киеву, он оставил войско сзади, приплыл к киевскому берегу в небольшой лодке только с Игорем и несколькими воинами и послал сказать государям киевским, что с ними желают видеться купцы варяжские из Новгорода, их друзья и земляки. Аскольд и Дир были очень рады таким гостям и тотчас отправились на лодку. Но только они вошли туда, воины Олега окружили их, а сам Олег, подняв на руках маленького Игоря, сказал: «Вы не князья, но я князь, и вот сын Рюрика!» В эту самую минуту воины бросились на обоих князей киевских и убили их. Вот одно дурное дело Олега, а впрочем, он был хорошим опекуном маленького воспитанника своего, старался о пользе народа русского, соединил оба новых государства варягов в одно, сделал столицей Киев и так прославился своей храбростью, что даже греки в Константинополе боялись его и имени русского. Олег вел с ними войну, подходил к самым стенам славной столицы их, в знак победы повесил свой щит на воротах ее, собрал дань с греков, и, когда он возвратился в Киев, народ назвал его *вещим* – это значит почти то же, что *всеведущий*.

Славные дела его кратко и прекрасно описал Языков в стихотворении «Олег». Он представил, как наследовавший ему государь, молодой Игорь, вместе с народом справлял торжественную тризну, или поминки, по нем, и на этой тризне был, по обыкновению славян, певец, долженствовавший воспеть дела умершего. Но прочтите стихи Языкова с того самого места, как певец, или, как звали его славяне, баян, приходит в середину народа, торжествовавшего память знаменитого князя своего:

Вдруг, – словно мятеж усмирится шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседельный в добре и разумный
Боярин на вече идет, —
Толпы расступились – и стал среди схода
С гуслиями в руках славянин
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...

Он стал среди схода – молчанье кругом,

И звучная песнь раздалась!
Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы,
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбирались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги под грохотом вод
По высям днепровского берега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам с мечом и огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!
Умолк он – и радостным криком похвал
Народ отозвался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал.
И, вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян
С конца до конца меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Олег управлял государством 33 года: добрый Игорь не хотел напоминать ему, что сам уже может княжить, и сделался государем русским только тогда, когда умер Олег.

Игорь, как и все русские князья, был храбр, но не так счастлив, как Олег: при нем явились в первый раз в Россию печенеги – народ, который потом всегда был страшным врагом наших предков.

Печенеги поселились между реками Дон и Днепр, на лугах, где паслись стада их. Они не строили домов, но делали подвижные шатры или шалаши. Когда стада не находили более корма на лугах, они переносили шалаши на другое место и оставались там, пока была трава. Они сами и лошади их бегали очень скоро, по рекам же умели плавать почти как рыбы. Это помогало им нападать на соседей своих, уводить в плен бедных жителей и избавляться от наказания. Злые печенеги даже нанимались на службу к таким народам, которые вели с кем-нибудь войну, и тогда-то злодействовали сколько им хотелось. Игорь, хотя и наложил на них дань, т.е. заставил каждого платить в казну свою, не мог прогнать их подалее от границ своего государства.

Еще несчастнее был поход его к древлянскому народу, который жил там, где теперь Волынская губерния. Древляне также были славянского племени, их покорил Олег. Игорь ездил к ним для того, чтобы взять более дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянам

показалось это так обидно, что они забыли все почтение, какое должно иметь к государю своему, и совершили ужасный грех: убили Игоря.

Так погиб этот несчастный государь. Он княжил 32 года, но не отличался никакими особенно примечательными делами.

Святая Ольга 945–955 годы

Гораздо более Игоря прославилась прекрасная супруга его Ольга. Святослав, сын ее, был еще очень мал, когда умер отец его, и потому Ольга правила государством вместе с двумя знаменитыми воеводами – боярином Асмудом, дядькой маленького Святослава, и Свенельдом, начальником войска. История этой княгини очень любопытна. Каждый русский мальчик и русская девочка должны знать ее. Послушайте же.

Ольга родилась в деревне около Пскова. Молодой князь Игорь приехал туда на охоту и случайно увидел эту деревенскую красавицу, которая так понравилась ему своей скромностью и умом, что он не хотел слышать о других невестах и женился на милой Ольге. В высоком дворце государя она была так же умна и любезна, как прежде в маленьком домике своих родителей, так же добра и ласкова с окружавшими ее знатными боярынями, как прежде со своими сельскими подружками.

Услышав о смерти Игоря, Ольга обещала отомстить злым древлянам и тотчас послала войско свое в землю их.

Древляне отправили послов с оправданиями, но Ольга приказала казнить их, не желая слушать этих оправданий, и, когда войско ее покорило их, она наложила большую дань на этот ненавистный ей народ и присоединила землю его к своему государству.

Ольга вместе с маленьким Святославом объезжала свои области и везде приводила в порядок то, что было расстроено. Вы помните, любезные читатели, что, с тех пор как государя наши начали жить в Киеве, Новгород уже перестал быть столицей Русского государства. Князья киевские, воюя с Грецией и с соседними народами, не имели времени заботиться об отдаленных подданных своих – новгородцах – и позволили им самим выбирать своих судей и начальников, которые бы решали дела их, награждали добрых, наказывали злых и собирали с народа дань для князя киевского. Главного из таких начальников новгородцы называли *посадником*. Зная, что князь киевский далеко от них, они начали меньше уважать его и думали, что могут обойтись и без государя, имея своего посадника.

Ольга поехала туда и умными распоряжениями заставила новгородцев вспомнить, что они должны быть покорны государю своему, хотя бы он жил еще гораздо далее от них. Так хорошо умела княгиня Ольга управлять государством!

Народ любил и благословлял добрую мать государя своего. Но из всех прекрасных дел Ольги самое лучшее и самое великое было то, что она приняла веру христианскую. Она первая из русских поняла, как глупо молиться идолам, которые столько же могли слышать молитвы бедных людей, сколько слышат вас ваши куклы, когда вы говорите с ними. Умная княгиня чувствовала в сердце своем, что есть Бог, без которого не мог быть мир и все, что мы видим в этом мире. К тому же она много слышала о вере христианской с тех пор, как жила в Киеве: воины князя Олега и супруга ее Игоря, бывшие вместе с ними в Греческой империи⁵, рассказывали дома о счастье и добродетелях истинных христиан, о святости веры их, о терпении, с которым они переносили несчастья здешней жизни, надеясь на награду в будущей.

Надобно сказать, что в это время греки давно уже перестали быть идолопоклонниками и знали истинного Бога. В столице их Константинополе жил патриарх, т.е. начальник духовенства христиан греческих. У него-то княгиня Ольга хотела учиться закону Божию и для

⁵ Т.е. в Византии. С IV века н. э. Греция стала основной частью Восточной Римской империи – Византии (*прим. ред.*).

того поехала в Константинополь в 955 году, когда сын ее уже вырос и она перестала управлять государством.

Патриарх и император греческий Константин Багрянородный дивились уму и кротости знаменитой государыни русской. Патриарх рассказал ей о жизни, страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа, научил ее всему, что должны знать все любящие Господа и верующие в него, и потом окрестил ее. Император был крестным отцом Ольги; в крещении назвали ее Еленой. С восторгом возвратилась она в Киев, радуясь тому, что может просветить душу сына своего и сделать его также христианином. Но молодой гордый Святослав не хотел слышать о новом законе⁶. Княгиня печалилась, что не может разделить с сыном счастье знать истинного Бога, и умерла с этой печалью через 14 лет после крещения. Церковь наша признала ее святой, а история – Мудрой.

⁶ Т.е. о вероисповедании (*прим. ред.*).

Крещение русского народа 980–988 годы

Можно ли было ожидать, чтобы этот князь Владимир, причинивший столько зла брату своему и бедной красавице Рогнеде, стал потом добрейшим государем и первым благодетелем своего народа? Вот какие чудеса может Бог делать с теми людьми, которые искренно раскаиваются и сожалеют о худых делах своих!

С самого начала своего княжения Владимир старался победами и славою заставить народ свой забыть его прежнюю жизнь. Он завоевал у польского короля Галицию⁷, или города Червенские; победил болгар – народ, живший на берегах Волги; к северу увеличил Россию до самого Балтийского моря. Кроме этих завоеваний, он старался прославиться и хорошими качествами: сердце его сделалось добрее, нрав спокойнее. Он очень любил народ свой, заботился о его счастье, мог уже не наказывать того, кто обижал его, мог даже прощать самых жестоких врагов своих, в числе которых была супруга его Рогнеда-Горислава. Эта несчастная государыня так много печалилась, что сделалась почти безумною от слез. Однажды она вздумала отомстить Владимиру за все горести, какие терпела от него, и уже вошла с ножом в руке в ту комнату, где спал он крепким сном. К счастью, Владимир вдруг проснулся и в первую минуту гнева хотел наказать смертью такое злодейство, но, увидев слезы маленького сына своего Изяслава и услышав трогательные слова⁸, которыми малютка просил помиловать мать, простил ее и по совету бояр построил на родине ее, в нынешней Минской губернии, новый город, назвал его по имени сына Изяславлем и отправил туда их обоих.

Чтобы успокоить совесть свою, которая все еще напоминала ему об убитом брате, Владимир приносил часто жертвы своим богам и даже сделал нового идола с серебряной головой. Но могли ли утешить его боги бесчувственные, как бы усердно он ни молился им? Нет, он начинал понимать, как и бабушка его Ольга, что такие боги не могут быть богами истинными, но не знал, какая вера лучше всех: в Киеве были и магометане, и иудеи, и римские католики, и греки. Каждый из них хвалил свою веру. Владимир, не зная, кого слушать, решил отправить десять человек в разные земли, чтобы узнать, какой народ лучше всех других понимает Бога истинного. Послы его объездили почти все государства европейские, и более всего понравилось им благочестие греков и святое служение в церквах их. С восхищением рассказывали они великому князю о вере греческой. Владимир радовался, что наконец может молиться Богу истинному, и предпочел принять христианскую веру от греков.

Но гордому князю русскому, привыкшему всегда повелевать, казалось унижительно просить крещения у греков, прежних врагов его отечества, и для того, отправляя послов в Константинополь к императорам Василию и Константину, он просил у них не одной веры христианской, но вместе с нею и руки сестры их, царевны Анны. Умный Владимир знал, что, сделавшись братом императоров, он мог уже не стыдяться называть их своими просветителями в вере истинной.

Греки еще со времен Олега начали бояться храбрых князей русских; Владимир же завоевал уже богатый город их Херсон⁹ и угрожал идти с войском к Константинополю, если ему откажут в руке царевны. Итак, императоры должны были умолять сестру свою выйти

⁷ Поляки так же, как и русские, происходят от народа славянского. Племя их поселилось около реки Вислы и основало Польское королевство. Галиция была прежде польской областью.

⁸ Вот подлинные слова Изяслава, переданные нам летописцами: «Отче! Егда един жити хоцещи, приими меч сей, вонзи прежде в утробу мою, да не вижу аз смерти матери моея».

⁹ Правильно – Херсонес (*прим. ред.*).

за государя русского. Царевна горько плакала, желая лучше умереть, нежели расстаться с родными и отечеством, но Бог призывал ее просветить идолопоклонников – могла ли она не повиноваться ему? Добрая царевна со слезами простилась с братьями и отправилась на корабле в Херсон, где ждал ее жених. Кроме придворных особ с нею поехало много священников для крещения Владимира.

Народ в Херсоне с радостью спешил на берег встретить прекрасную невесту, называл ее своею спасительницей, дивился ее красоте и приветливости. Но великий князь, с нетерпением ожидавший ее, не был так счастлив, как народ его: в то время у него болели глаза и он ничего не видел. Он мог только плакать о своем несчастье и благодарить царевну за жертву, которую она принесла.

Анна, как ангел-хранитель, посланный Богом Владимиру, просила его тотчас креститься. Великий князь послушал совета благочестивой невесты своей и за то щедро награжден был Богом. Как только епископ херсонский и священники константинопольские приступили к совершению обряда крещения Владимира и епископ возложил руку на новокрещаемого, большие глаза его открылись, и он увидел храм Божий, где раздавалось святое пение, увидел прелестную невесту свою и вместе с нею упал на колени, благодаря Бога милосердного и всемогущего.

Бояре и дружина¹⁰ его, удивляясь такому чуду, также крестились в веру христианскую и потом весело праздновали свадьбу государя с царевной. Прекрасная Анна уже не плакала, как в то время, когда уезжала из Константинополя: она, как усердная христианка, радовалась, что избавила знаменитого супруга своего и народ его от ужасного несчастья быть идолопоклонниками, потому что с тех пор все русские начали креститься в веру христианскую.

Вот было чего посмотреть, когда великий князь возвратился с молодой супругой и со всем двором своим в Киев! Прежде всего он велел рубить и жечь всех идолов, а главного из них – Перуна с серебряной головой – бросить в реку. Потом приказал всем киевлянам явиться на другой день на берег Днепра.

Священники освятили Днепр и начали крещение народа. Взрослые люди вошли в воду, маленькие дети были на руках отцов и матерей, между тем как на берегу стояли великий князь, супруга его, бояре и воины, окрещенные еще в Херсоне. Они стояли в тихом благоговении и усердно молились за новых христиан. В эту торжественную минуту Владимир поднял руки к небу и сказал: «Творец неба и земли, благослови сих новых детей твоих, дай им познать тебя, Бога истинного, и утверди веру их!»

Так крестились предки наши, и такое усердие к Богу видно было не в одном Киеве, но и во всем государстве Русском. Везде народ оставлял идолов и с радостью принимал веру христианскую.

¹⁰ Так называли предки наши воинов и телохранителей княжеских.

Владимир Мономах 1113–1125 годы

Владимир Мономах во всяком возрасте заслуживал любовь окружающих. В детстве он был самый послушный сын; в молодости – самый смелый из князей на поле битвы, самый приветливый дома, самый почтительный к родителям, которые в знак особенной любви к нему и за храбрость называли его Мономахом¹¹; в зрелых летах – самый добрый государь в наследственном владении своем; самый умный советник великого князя; самый сострадательный благодетель бедных; самый знаменитый победитель врагов отечества.

Слава его еще более увеличилась в последние годы княжения Святополка: он уговорил в это время всех князей идти на жестоких половцев, разорвавших Русскую землю. Владимир так говорил о счастье избавить от опасности жизнь и имение своих соотечественников, о славе умереть за родину, что все князья забыли на время ссоры свои и собрали воинов во всех княжествах. Согласие подавало им надежду победить, и эта надежда исполнилась: они победили половцев и заключили с ними самый выгодный мир. Всей славой этой победы, всеми выгодами этого мира Россия была обязана Мономаху. Народ знал это и при всяком случае старался показать благодарность и особенную любовь свою к Владимиру. Эта любовь была так велика, что, когда великий князь Святополк умер, жители киевские объявили, что не хотят слышать ни о каком другом государе, кроме общего любимца всех русских – знаменитого Мономаха! Сначала он отказывался, потому что были другие наследники престола, ближе его: Олег Черниговский и братья его, дети старшего дяди Владимира – Святослава, но потом, видя, что в Киеве происходят ужасные беспорядки от безначалия, согласился на желание киевлян, тем более что и сам Олег, старинный неприятель его и главный наследник великого княжения, не спорил с народом и молчанием своим подтверждал его выбор. Такой поступок Олега показывает, как велики были и его достоинства: надо иметь очень доброе сердце, чтобы не спорить, когда нашу собственность отдают другому, тем более врагу нашему! Может быть, причиной этого были слабые силы и старость его, но, как бы то ни было, мы обязаны ему за то, что он не начал новой войны за свое наследство и согласился видеть на престоле великокняжеском Владимира.

Мономах во все время двенадцатилетнего княжения своего продолжал отличаться храбростью. Несмотря на старость свою, он усмирил еще раз печенегов и появившихся на Руси торков и берендеев. С того времени эти грубые народы уже не были так страшны для русских. Многие из них покорились Владимиру и поселились на берегах Днепра. Предки наши называли их каракалпаками, или *черными клобуками*. Это название произошло оттого, что они носили черные шапки.

Кроме побед над чужими народами и над своими непокорными князьями, Мономах славился и другими делами. Он старался улучшать законы, строил церкви и общественные дома, обводил каменными стенами старые города, закладывал новые. В числе последних был Владимир, основанный в Суздальской области и названный Залесским для отличия его от другого Владимира, бывшего на Волыни.

Но чтобы вы поняли совершенно, каков был Владимир Мономах, прочитайте духовное завещание его детям своим:

¹¹ Греческий император Константин, дед Владимира по матери, назывался Мономахом, и, может быть, в честь его дано было прозвание самому достойному из его внуков.

«Приближаясь ко гробу, благодарю Бога за долгие дни мои: рука его довела меня до глубокой старости. А вы, дети любезные, и всякий, кто будет читать это писание, исполняйте правила, в нем написанные.

Страх к Богу и любовь к людям есть начало добродетели. Велик Господь, чудесны дела его!

О дети мои, хвалите Бога! Любите также людей. Не пост, не монашество спасет вас, но благодеяния. Не забывайте бедных, кормите их и помните, что все, что вы имеете, принадлежит Богу и поручено вам только на время. Будьте отцами сирот, судите вдовиц сами, не давайте сильным обижать слабых. Не убивайте ни правого, ни виноватого: жизнь и душа христианина священны. Не призывайте напрасно имени Бога; дав же клятву, не преступайте ее. Не оставляйте больных, не страшитесь видеть мертвых: все умрем. Принимайте с любовью благословение священников и не удаляйтесь от них, делайте им добро, чтоб они молились за вас Богу. Не имейте гордости ни в уме, ни в сердце и думайте: мы не вечны, сегодня живы, а завтра в гроб! Бойтесь всякой лжи. Почитайте старых людей как отцов, любите младших как братьев. В хозяйстве сами за всем смотрите, чтобы гости не осудили ни дома, ни обеда вашего. На войне будьте деятельны. Тогда не время думать о праздниках. Путешествуя в своих областях, не давайте жителей в обиду княжеским отрокам. Всего же более почитайте гостя и знаменитого, и простого, и купца, и посла: гости распускают в чужих землях и добрую, и худую о нас славу. Кланяйтесь каждому человеку, когда идете мимо. Все хорошее узнав, вы должны помнить; чего не узнаете, тому учитесь. Лениость – мать пороков, берегитесь ее. Старайтесь, чтобы солнце никогда не застало вас в постели. Идите рано в церковь принести Богу молитву утреннюю: так делал отец мой, так делали все добрые люди. Когда озаряло их солнце, они хвалили Бога с радостью. Потом садились думать с дружиною, или судить народ, или ездили на охоту. Так жил и ваш отец. Я сам делал все, что мог бы велеть отроку: на охоте и на войне, днем и ночью, в жар летний и в холод зимний не знал покоя, не надеялся на посадников, не давал бедных и вдов в обиду сильным, сам смотрел за церковью и за божественным служением, за домашним порядком, конюшнею, охотою, ястребами и соколами. Всех походов моих было восемьдесят три, а других, маловажных, не упомяну. Я заключил с половцами девятнадцать мирных договоров, взял в плен и выпустил из неволи более ста лучших князей их, а более двухсот казнил и топил в реках. Кто ездил скорее меня? Выехав рано из Чернигова, я бывал в Киеве, у родителя, прежде вечерен. Любя охоту, мы часто ловили зверей с вашим дедом. Своими руками в густых лесах вязал я диких коней по несколько. Два раза буйвол бросал меня на рогах, олень бодал, лань топтала ногами, медведь прокусил седло, лютый зверь однажды бросился и уронил коня подо мною. Сколько раз падал я с лошади! Дважды разбил себе голову, повреждал руки и ноги, не берег жизни в юности и не щадил головы своей. Но Господь хранил меня. И вы, дети мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни зверей свирепых, но будьте мужественны во всяком случае, посланном от Бога. Если Господь определит, кому умереть, то не спасут его ни отец, ни мать, ни братья. Бог лучше сохранит, нежели люди».

Из этой духовной вы можете увидеть и душу Владимира Мономаха, и образ жизни того времени. Вы, верно, заметили, что государи наши были очень усердны к Богу, что они любили более всего славиться храбростью, а жили очень просто и часто сами смотрели за порядком в церкви, во дворце и даже в конюшнях своих.

Начало Москвы 1146–1155 годы

В то время когда народ киевский с радостью встречал нового великого князя своего Изяслава II Мстиславича, в отдаленной Суздальской области собирались враги рассуждать о том, как бы скорее выгнать его из Киева. Главный из этих врагов, кроме дяди его, суздальского князя Георгия, или Юрия, Владимировича Долгорукого, считавшего себя законным наследником киевского престола, был Святослав Олегович, брат несчастного Игоря, заключенного в Переяславский монастырь. Он готов был пожертвовать всем счастьем своим и даже жизнью, чтобы только освободить бедного Игоря из рук Изяслава. Думая, что Георгий – отец семи храбрых князей, ненавидевший великого князя, – скорее всех может помочь ему в войне с Киевом, он приехал к нему вместе с сыном своим Олегом.

Георгий ласково принял и угощал их в новом городе своем Москве. Но эта маленькая, бедная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынешнюю белокаменную, гордую Москву – не прошло и года от ее построения. Многие еще называли ее не Москвою, а Кучковым. Это название произошло оттого, что прежде на месте, где она построена, было несколько сел и деревень богатого боярина Степана Ивановича Кучки. Георгий был недоволен каким-то дерзким поступком этого боярина и приказал убить его, а села взять в казну.

Через некоторое время он приехал вместе с любимым сыном своим, прекрасным и храбрым Андреем, посмотреть имение убитого боярина. В одной из деревень жили сироты Кучки – два сына и дочь. Необыкновенная красота этой молодой девушки удивила обоих князей. Отец упрекал себя, что причинил несчастье такому милому и нежному созданию, сын говорил с восхищением, что во всем свете нет девушки добрее прелестной сироты Кучковой, и умолял отца позволить ему жениться на ней. «Родитель, – говорил добрый Андрей, – ты облегчишь этим горестную судьбу бедных детей, у которых отнял отца». Георгий, нежно любивший сына, не мог отказать неотступным просьбам его; он велел приготовляться к свадьбе и позволил сыну взять к себе на службу братьев невесты. Между тем красивые места по берегам реки Москвы так понравились ему, что он вздумал основать тут городок и назвал его по имени реки – Москвою. Андрей был очень доволен этим: ему казалось, что не было места лучше того, где узнал он милую невесту свою. Здесь праздновали свадьбу, и здесь-то через некоторое время Георгий Владимирович угощал Святослава Олеговича и бояр его, собираясь вместе с ними идти к Киеву.

Но прежде чем успели собраться защитники Игоря, этот несчастный князь был взят силою из монастыря и убит народом. Такое злодейство еще более ожесточило Святослава Олеговича: он мог подозревать, что великий князь сам позволил народу это убийство, и еще более начал просить Георгия поспешить с походом. Но Георгий, соглашаясь помогать ему, думал более о собственных выгодах, нежели о нем; он хотел мстить Изяславу II не за Игоря, а за киевский престол, и потому неудивительно, что он обращал мало внимания на просьбы его и, верно, еще долго бы медлил, если бы великий князь не сделал ему новой жестокой обиды: он напал с новгородцами на суздальские города его, жег и разорял их и наконец выгнал из Киева сына Георгия Ростислава, прежнего друга своего. Все это заставило Георгия решиться. Он выступил со Святославом и наемными половцами.

Пять лет продолжалась эта война почти беспрестанно. В небольшие промежутки мира киевляне имели государями своими то Георгия Владимировича, то Изяслава Мстиславича, то еще третьего князя – Вячеслава, старшего сына Владимира Мономаха. Этот последний князь более всех имел право быть государем киевским, но он был тихого, нечестливого нрава, никогда не искал сам престола, но принимал его всякий раз, когда Изяслав II предлагал

ему. Изяслав же делал это для того, чтобы от его имени управлять государством. Вячеслав был уже так стар, что не мог заниматься делами, и отдавал все во власть Изяслава Мстиславича, которому обязан был именем великого князя. Однако, несмотря на старость свою, Вячеслав пережил своего племянника. Война с Георгием еще не была окончена, как умер Изяслав II. Вскоре после него скончался и старый Вячеслав Владимирович, и тогда-то честолюбивый князь суздальский достиг своего желания. Никто уже не спорил с ним: как старший из всех князей, он был законный наследник Великого княжества, и киевляне должны были покориться, хотя и не любили его.

Первое стихотворение русское 1178–1185 годы

Верно, многие из вас с восхищением слушают, когда старшие братья или сестры читают прелестные сказки Жуковского и Пушкина? Может быть, вы даже знаете наизусть некоторые из них? Припомнив несколько приятных строчек, прочитайте потом следующие:

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: «О ветре, ветрило! Чему, господине, насильно вееше? Чему мычеши хыновьския стрелки на своєю нетрудною крыльцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшетъ гор под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?.. О Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял еси на себе Святослави носады до плеку Кобякова. Взлелей, господине, мою ладу ко мне, а бых не слала к нему слез на море рано».

Это также стихи, сочиненные при великом князе Всеволоде Георгиевиче, в XII веке. Они те самые, несколько строк из которых вы уже читали в стихах Жуковского о княжении Владимира I, или Святого; они взяты из первой русской поэмы, которая называется «Слово о полку Игореве». Мы называем ее первую, потому что она была первая, до нас дошедшая, но надобно думать, что и до того времени были поэты русские: сочинитель «Слова о полку Игореве» говорит о соловье старого времени – стихотворце Бояне, который сладко пел о славе князей наших. Сочинения их, вероятно, затерялись во время беспрестанных войн, пожаров и грабежей, разорявших в старину наше отечество.

«Слово о полку Игореве» – это повесть или рассказ о походе Игоря. Игорь был внуком знаменитого Олега Черниговского и князем Новгорода-Северского. Этот город находился на земле Северной, там, где теперь две губернии наши – Черниговская и Полтавская. Игорь с самых молодых лет был чрезвычайно храбр, любил войну и для славы готов был с радостью умереть.

В 1184 году князя Южной России, из которых главным был Святослав Всеволодович Киевский, не сказав ни слова Игорю Северскому, пошли против злых врагов отечества – половцев и 30 июля одержали над ними славную победу, взяли в плен 7 тысяч человек, 417 князьков, в том числе знаменитого Кобяка, множество прекрасных лошадей азиатских и разного оружия. Даже самый храбрый из ханов их, Кончак, был разбит ими, несмотря на то что у него было огнестрельное оружие, которое предки наши называли *живым огнем*.

Слава о такой победе разнеслась по всей земле Русской. И большие и маленькие говорили о храбрых князьях, певцы пели о делах их в песнях, сказочники рассказывали в сказках. Многие завидовали такой славе, и всех более – князь Игорь Северский. Он совершенно потерял прежнее спокойствие и веселость свою, сердился на князей за то, что они не пригласили его идти вместе с ними; думал только о том, чтобы прославиться еще более их, и для того начал вместе с меньшим братом своим Всеволодом Курским тайно приготовляться к походу. Не прошло года, как уже оба князя со своими боярами, дружиною и нанятыми черными клобуками пошли к Дону. Около этой реки раскинуты были шатры половецкие. Кончак, недавно разбитый русскими, и пять других ханов удивились, увидев их опять перед собою. С ужасной злобой, с сильным желанием отомстить бросились они на них, однако храбрые князья победили и принудили половцев бежать и оставить им в добычу весь стан и даже семейства свои.

Весело пировали князья русские на завоеванной земле и в шатрах неприятельских, гордо говорили: «Что скажут теперь князья и братья наши? Они победили половцев у себя

дома и не смели идти в их землю, а мы уже в ней, скоро будем и за Доном, где никогда не были отцы наши, истребим всех поганых¹² и достанем себе славу вечную!»

Такая гордость, такое ненасытное желание прославиться истреблением невинных людей никогда не остаются без наказания. Это случилось и с Игорем. Он хотел истребить всех половцев, а между тем они собрали силы свои и на берегах реки Каялы¹³ истребили почти все войско русское. Некому было даже принести в отечество известие о несчастье их: все оставшиеся в живых были уведены в плен, в том числе князь Игорь и брат его Всеволод.

К счастью, случилось в это время проезжать по Каяле каким-то купцам, им поручили половцы сказать в Киеве, что теперь они могут обменяться со Святославом пленниками.

Получив это известие, все князья опечалились, Святослав Киевский даже плакал, но никто не пошел выручать князей из плена, боясь такой же участи. Однако Игорь вскоре возвратился сам. Один крещеный половчанин помог ему убежать от хана Кончака, который, несмотря на жестокое сердце свое, уважал храброго Игоря и не обижал его во время плена, а позволил ему жить как князю, иметь у себя слуг, священника и забавляться ястребиною охотой. Зато и Игорь не скоро согласился бежать от благородного неприятеля своего: только сильное желание увидеть печальную супругу, детей и народ свой заставило его решиться на такой поступок, который он всегда называл постыдным.

Кончак не рассердился за это на Игоря; но, *упустив сокола, хотел опутать соколенка*, – сказано в «Слове о полку Игореве»: у Игоря был молоденький сын Владимир, такой же храбрый, как и отец. Он был с ним в этом походе и не отставал от отца ни в каких опасностях. Вместе с ним попал и он в плен. Это был тот соколенок, которого хотел опутать хан Кончак. Такими словами сочинитель первой поэмы нашей хотел сказать, что благородный Кончак желал привязать к себе молодого Владимира любовью и благодарностью и сделал это, выдав за него прекрасную дочь свою. Два года прожил молодой князь в новом семействе своем, на третьем начал просить тестя отпустить его на родину, и добрый Кончак согласился: Владимир уехал из земли Половецкой вместе с женой.

Вот этот несчастный поход и плен Игоря описаны в первом стихотворении русском. Чтобы оценить все достоинства его, надобно хорошо понимать старинный язык наших предков, а вы видели из нескольких строк в начале этой главы, что это невозможно для вас, милые читатели. Подождите, пока вы будете постарше, тогда вы, верно, скажете, что и самый старинный поэт наш ненамного уступал нынешним. А до тех пор будьте довольны теми немногими строками, которые прочли здесь. Я постараюсь сделать их более понятными для вас. В них описывается горечь супруги Игоря, когда она узнала, что он в плену у половцев.

«Ярославна плачет рано поутру, смотря с городской стены Путивля в чистое поле: «О ветер сильный! Для чего легкими крыльями своими наносишь ты стрелы ханские на воинов моего друга? Разве мало для тебя веять на горах подоблачных и лелеять корабли на синем море? Для чего, о сильный, развеял ты веселие мое?.. О Днепр славный! Ты пробил каменные горы, стремясь в землю Половецкую. Ты лелеял на себе ладьи Святославы до стана Кобякова. Принеси же и ко мне друга милого, чтобы не посылала я к нему рано утром слез моих в синее море!»

¹² Так всегда русские называли своих неприятелей, особенно нехристиан.

¹³ Каяла называется ныне Кагальником.

Нашествие татар 1219–1238 годы

Если, читая эту историю, вы часто жалели о несчастьях бедного отечества нашего, если вас огорчало то, что должны были терпеть добрые предки наши, то приготовьтесь плакать: ни злые кудесники, ни дикие печенеги и половцы, ни появившиеся вновь литовцы и немецкие рыцари, ни ссоры князей и ненависть их друг к другу не причинили столько бед земле Русской, сколько ужасное, неслыханное несчастье, которое в истории нашей называется *нашествием татар*.

В то время татары вовсе не походили на смиренных и честных потомков их, спокойно живущих теперь в некоторых из наших губерний, например Тобольской, Казанской, Таврической. Нет, это были грубые, полудикие, бесчеловечные воины, жившие в Азии, к югу от Иркутска, в нынешней Татарии Китайской, промышлявшие ловлей зверей, скотоводством и грабежом. О природной жестокости их вы можете судить по рассказу о детстве самого знаменитого хана, или царя их, Темучина.

Он остался тринадцати лет после смерти отца своего Езукая Багадура. Подданные его вдруг взбунтовались против хана-ребенка. Что же сделал этот ребенок, этот тринадцатилетний Темучин? Он собрал войско, усмирил бунтовщиков и приказал их сварить живыми в семидесяти котлах кипящей воды. Один такой поступок показывает вам все ужасные свойства народа, у которого даже дети были так злы и безжалостны.

Этот молодой Темучин более всех других ханов прославился завоеваниями и победами: он покорил не только многие соседние орды¹⁴ – татарские, монгольские и киргизские, но даже был в Китае и сжег главный город китайцев – Пекин. Подданные Темучина почитали его человеком необыкновенным, посланным к ним от Бога для прославления их царства. Эта мысль еще более утвердилась в них с тех пор, как явился к ним какой-то мнимый пророк или колдун, вероятно подкупленный ханом, и объявил всему народу и войску татарскому, что Бог отдает Темучину всю землю и повелевает ему называться впредь Чингисханом, или Великим ханом. После такого объявления Темучин, или Чингисхан, уже не встречал более неприятелей между татарскими народами: все они почитали за грех противиться повелению Божию.

Не находя уже противников в Азии и все еще стремясь увеличивать свою славу, Чингисхан пошел в 1223 году к странам западным и тем решил судьбу России.

Недалеко от берегов Каспийского моря полководцы Чингисхана встретили половцев, разбили их и гнали за ними до самых границ наших. Побежденные половцы убежали в Киевскую область, и в их числе был хан Котян, тесть Мстислава Храброго¹⁵. Этот хан тревожил всю Россию своими рассказами о страшных татарах и умолял князей идти против них, уверяя, что если они не сделают этого, то татары придут и в Русскую землю так же, как пришли в Половецкую.

Князья наши, всегда любившие войну и славу, не со страхом, а с жадностью слушали рассказы старого Котяна: им хотелось лететь навстречу новым, еще не виданным врагам, и вот самые храбрые из них – Мстислав Галицкий, Мстислав Черниговский и Мстислав Киевский – со многими молодыми князьями, не согласившись со старшими, безрассудно пошли искать татар. В то время великого князя Константина Всеволодовича уже не было на свете, и престол владимирский принадлежал брату его Георгию II. Георгий, воюя с камскими бол-

¹⁴ Орда – значит толпа кочующих народов.

¹⁵ Не один Владимир, сын Игоря Северского, но и многие другие князья наши были женаты на княжнах половецких.

гарами, побеждая их и основывая новые города¹⁶ в местах завоеванных, не мог участвовать в походе южных князей.

На Днепре смельчаки встретили послов татарских. Они еще не начинали ссоры и, напротив того, приглашали князей наших бить вместе с ними половцев, которых татары называли своими рабами и конюхами. Но князья как будто сами желали своей гибели: они думали, что мирные предложения татар происходят от трусости, и с гордостью отвергли их. Молодой князь волынский Даниил вместе с тестем своим Мстиславом Храбрым первыми бросились на показавшийся вдали отряд неприятельский и совершенно разбили его. Эта первая удача заманила далее минутных победителей: они переправились со всем войском за Днепр и девять дней шли до реки Калки¹⁷. Здесь-то, на берегах этой несчастной для русских реки, начались бедствия отечества нашего; здесь-то 31 мая 1224 года предки наши потерпели ужасное поражение, от которого не спасли их ни храбрость всего войска, ни отчаянное мужество неустрашимого Даниила Волынского. Этот герой в жару сражения не чувствовал раны, полученной в грудь, и продолжал бить татар. Все прекрасное войско наше исчезло: шесть князей и семьдесят славных богатырей были убиты. Едва десятая часть спаслась бегством вместе с Мстиславом Галицким и Даниилом Волынским.

Победители преследовали побежденных до самого Днепра. Жители городов и селений, чтобы смягчить врагов своих покорностью, выходили к ним навстречу с образами и крестами, но у татар было правилом, что *побежденные не могут быть друзьями победителей*. Следуя этому правилу, жестокие татары убивали всех, кого встречали, не щадя ни стариков, ни женщин, ни даже детей. Народ во всей Южной России был в ужасе. Ожидая неминуемой смерти, все молились Богу в церквах и дома – и он сжалился над слезами христиан и еще на несколько лет отсрочил гибель их: полководцы татарские вдруг получили повеление от Чингисхана возвратиться к нему в Азию.

Нельзя описать той радости, какую почувствовали русские, услышав, что страшные враги удалились от отечества их! Не зная, откуда они приходили и куда ушли, все почитали их наказанием небесным, и ветреный народ, к несчастью, скоро забыл это наказание. Двенадцать лет не было слуха о татарах, и князья русские, вместо того чтобы воспользоваться этим временем и соединенными силами укрепить расстроенное государство, продолжали свое несогласие. Двое из них – Михаил Черниговский и Ярослав Всеволодович, уже известный читателям нашим брат великого князя, – ссорились за Новгород: непостоянные новгородцы избирали то одного из них, то другого. Наконец утвердился там Ярослав, имевший гораздо более прав на эту беспокойную область и по той храбрости, с какой он защищал ее от нападений литовцев и немецких рыцарей, и по тому усердию, с которым старался загладить прежнюю жестокость свою к новгородцам. Однако княжение его было непродолжительным: в 1236 году он призван был на престол киевский. Князем же новгородским остался сын его, молодой Александр Ярославич, который прославится потом знаменитыми делами, заслужит имя Невского, и еще более – заслужит небесный венец святого.

Великий князь Георгий II, усмирив болгар, жил спокойно во Владимире и, следуя примеру отца своего, не вмешивался в ссоры князей, не старался ни усмирять непокорных, ни мирить несогласных. Время от времени ходил он воевать с мордвою. Это был народ, живший недалеко от камских болгар, по берегам Волги.

Мстислав Галицкий после несчастного сражения при Калке уже не мог называться Счастливым: уныние совершенно переменило нрав его, он сделался слабым, недоверчивым, позволил вельможам галицким управлять собою, позволил им даже оклеветать доброго, бла-

¹⁶ В это время Георгий II Всеволодович основал там, где сливаются реки Волга и Ока, Нижний Новгород, знаменитый до сих пор славной ярмаркой, которая бывает там каждый год в августе.

¹⁷ Эта река называется теперь Кальчик и течет по Екатеринославской губернии, близ Мариуполя.

городного зятя своего Даниила Волынского и, поверив клевете, поссорился с ним. Во время этой ссоры он исполнил обещание, давно данное королю венгерскому, – отдать дочь свою и престол галицкий сыну его, а себе оставил только небольшую Подольскую область. Великодушный, верный слову своему Мстислав скоро раскаялся в этом поступке: венгерский королевич отплатил ему неблагодарностью, а добрый Даниил оставался верным сыном его и во время ссоры их, и когда открылась клевета бояр. Обманутый, унылый Мстислав не мог долго переносить жизнь бесславную и скончался в 1228 году.

Смерть его явилась новой причиной к ссорам. Даниил и Михаил Черниговский спорили с венгерским королевичем за Галич, который наконец после смерти королевича достался Михаилу. Даниил просил великого князя и брата его, Ярослава Всеволодовича Киевского, помочь ему возвратить наследственную область и, получив ласковое обещание их, надеялся быть счастливым государем в милой родине своей, как вдруг все княжества снова встревожились, все люди снова с ужасом услышали страшную весть о врагах, которых почти забыли: наступил 1237 год и с ним бедствие нашего отечества.

Чингисхан умер в 1227 году. Он завещал сыну и наследнику своему Октаю окончить после него завоевание всего света и мириться только с побежденными народами. Окай, такой же злой, как и отец его, спешил исполнить это приказание: он покорил сам все страны, лежавшие вблизи его государства, а племянника своего Батыея и с ним 300 тысяч воинов послал завоевать северные берега Каспийского моря и другие, соседние с ними земли. Эти *другие земли* были русские.

Батый в 1237 году уже был в Камской Болгарии и разорил столицу болгар Великий Город. Едва эта весть успела дойти до русских, как уже татары были в Рязанской области и послали к нашим князьям двух послов и какую-то колдунью, которые объявили, что если русские хотят остаться живыми, то чтобы стали данниками и рабами татар и тотчас же прислали к ним десятую часть всего имения их. Князья удивились такой дерзости и гордо отвечали: «Пока мы живы, ничего не дадим; если же не будет нас, тогда все возьмите».

После такого благородного ответа князьям следовало бы забыть несогласия свои, думать об одном спасении отечества и всеми соединенными силами ударить по врагу, но они не сделали этого, они бесчеловечно отказывали друг другу в помощи и за это пострадали ужасно.

Рязань, напрасно ожидавшая защиты от великого князя Георгия, погибла первая. Несчастные жители защищались пять дней, не сходя с городской стены, на шестой татары ворвались в город, убивая безо всякого милосердия всех встречавшихся им людей: они не пощадили ни князя, ни супруги, ни матери его. Варвары распинали пленников, связывали им руки, стреляли в них, как в цель, для забавы, жгли священников, обращали в пепел все дома и монастыри. Невозможно описать всех ужасов, тогда происходивших! Небольшое повествование о них есть в стихотворениях Языкова: это рассказ о славной смерти одного из бояр рязанских – Евпатия Коловрата. Во время бедствия Рязани он был с одним из князей рязанских в Чернигове. Там услышал он весть о нашествии татар и о гибели Рязани. Исполненный пламенного желания отомстить бесчеловечным неприятелям, Евпатий с дружиной бросился вслед за татарами, догнал и разбил задние полки их, так что испуганные татары думали, не ожили ли мертвецы рязанские и не они ли гнались за ними. Но эта отчаянная храбрость не принесла никакой пользы русским: Евпатий и горсть его неустрашимых товарищей пали под ударами бесчисленного множества татар. Вот стихи Языкова, вы увидите в них подробный рассказ о знаменитом подвиге Евпатия:

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть?
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,

Там долго сражалась с насилием честь.
Но все победили Батыевы рати:
Наш град – пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня спрямилось, как буря завывло:
На стогнах смертельный свирепствовал бой
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Все пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана:
То грозная рать победителя-хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
Иль, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
Иль схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» – взывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не все ли погибло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! Под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвого руку подъемлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя внезапный набег урагана:
Шумят и волнуются ратники хана;
Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьём...
И пало геройство под силой Батыева.

Редает ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?

Уста уж не кличут бестрепетных братьев,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,

А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы – Евпатий!

Татары, разорив Рязань, шли далее, к Владимиру. Дорогой Батый сжег Москву, взял в плен сына великого князя Владимира, умертвил воеводу московского и почти всех жителей. Тогда-то гордый великий князь, слишком много полагавшийся на свои силы, ужаснулся и, поручив столицу двум сыновьям своим, Всеволоду и Мстиславу, удалился в Ярославскую область, на берега реки Сити, собирать ополчение на врагов.

2 февраля 1238 года татары пришли к Владимиру и быстро приготовили все нужные для приступа орудия и лестницы. Князя и бояре увидели гибель свою, но не хотели просить постыдного мира у варваров: они решились умереть со славою. Супруги их были достойны таких героев и думали точно так же. В то время как князя отдавали последние приказания свои на городской стене и ободряли бедных жителей, княгини с детьми своими и всем двором собрались в церкви Богоматери и просили епископа посхимить их. Посхимление есть такой обряд, который делается над принявшими монашество тогда, когда они хотят совсем отказаться от света и даже не говорить ни с кем из людей: это все равно что заживо умереть. Семейство великого князя и знаменитые вельможи его желали такой смерти: они простились с жизнью, со всеми друзьями, отказались даже от утешения видеть друг друга, потому что лица схимников бывают завешаны покрывалами, и молили Бога только о прощении грехов своих и о спасении отечества.

7 февраля, после заутрени, татары начали приступ и быстро ворвались в город. Все падало перед ними, и бедные затворившиеся в церкви схимники не могли умереть спокойно: злые татары вломились и к ним, ограбили все драгоценности с образов, все богатые одежды княжеские, которые сберегались в ризнице; из людей они обыкновенно большую часть убивали, немногих брали в плен, и эти немногие, не покрытые одеждой, умирали на дороге от жестокого мороза. Князя же Всеволод и Мстислав найдены были мертвыми посреди множества врагов, за городской стеной.

Георгий, услышав о гибели столицы и всего семейства своего, горько заплакал и молил Бога послать ему твердость перенести такое несчастье. В то же время он услышал, что татары продолжали ужасный поход свой и уже разорили костромской Галич, Ростов, Ярославль, Переяславль, Юрьев и Дмитров. В марте они дошли до Сити, где стоял с войском великий князь. Он пал в первой битве, и татары взяли в плен племянника его Василька Константиновича. Бог знает отчего, только этот молодой князь понравился бесчеловечным татарам. Они не только не хотели убить его, но даже предлагали ему быть другом их и воевать под начальством Батыя. Вы, верно, догадаетесь, друзья мои, что Василько не согласился на это предложение? «Нет! – отвечал этот бесстрашный князь. – Враги моего отечества и Христа не могут быть мне друзьями! Злодеи! Есть Бог, и когда-нибудь вы погибнете!» Эти смелые слова привели в такую ярость татар, что они тотчас же закололи Василька и бросили в лес. Тело несчастного князя было найдено потом русскими и положено в одной могиле с Георгием.

Между тем Батый все шел далее по России, к Новгороду, покоряя все города, лежавшие по дороге. Новгородцы уже ожидали гибели своей, потому что не могли надеяться ни на чью помощь: в то несчастное время какая-то особенная жестокость сковала все сердца; всякий думал только о себе и не хотел помогать другим. Но судьба спасла новгородцев: за 100 верст до столицы их, окруженной болотами и лесами, Батый вдруг поворотил назад, к Калуге. Тут подошел он к небольшому городку Козельску, в котором был тогда государем малолетний князь Василий. Казалось, что татарам немного будет дела у такого ничтожного городка, но вот что значит верность и мужество подданных, послушайте и подивитесь жителям Козельска! Они посоветовались между собой и решились, как настоящие русские, все

умереть за своего князя, хотя этот князь был еще младенец! «Мы оставим по себе добрую славу, – говорили эти достойные люди, – и за гробом будем бессмертны!» Так они и сделали. Целых семь недель татары осаждали крепость их и взошли на вал, только разбив стены особыми орудиями. Но и на валу жители дрались с ними до последней крайности, положили на месте 4 тысячи татар и легли на убитых врагов. Татары удивились такой храбрости и с досады на нее назвали Козельск *злым городом*, а из жителей его не оставили в живых ни одного человека. Но они живы в истории, живы в сердцах всех русских и, безо всякого сомнения, живы на небесах, в лучах того бессмертия, которого желали!

После злодейств в Козельске Батый оставил наконец Россию и пошел в землю Половецкую.

Россия покоренная 1238–1243 годы

Уныло стояли развалины городов и селений, через которые прошел ужасный Батый. Печально дымились обгорелые стены их; страшно лежали по пустым улицам непогребенные мертвецы; боязливо прятались, где только могли, живые, лишенные всего, что было дорого для сердец их. Таково было состояние отечества и предков наших, когда брат последнего великого князя Георгия – Ярослав Всеволодович как законный наследник его приехал в прежде счастливый, но теперь уже не походивший на столицу Владимир. Больно было смотреть новому государю на несчастье народа, но он знал, что не слезы освобождают нас от бед: всего нужнее тогда мужество и терпение, и Ярослав спешил показать пример своим подданным. Он приказал поскорее похоронить мертвые тела, чтобы не сделалось от гниения их заразы, вызывал людей, убежавших в леса и места отдаленные, занимался делами государственными – одним словом, старался всеми средствами ободрить народ и показать ему, что он не потерял еще надежды на славу и счастье.

Но эта надежда великого князя и бедных подданных его скоро исчезла. Батый ненадолго оставил Россию: он хотел только завладеть землей половцев. Через год он уже навсегда прогнал оттуда в Венгрию знаменитого хана их Котяна с 40 тысячами воинов и пришел в южные области наши с тою же злобой, с тем же зверством, с какими был он за год до того в северных. Города Муром, Гороховец, Чернигов погибли точно так же, как Суздаль, Владимир, Рязань, Ростов, Ярославль.

Драгоценный, святой для сердца русского Киев – эта старинная столица и мать городов наших еще оставалась целой, но слух о сокровищах церквей и дворцов ее, о богатстве жителей и многочисленности их уже давно дошел до Батыя, и в 1240 году он окружил его со всех сторон своим войском. Варвары издали любовались прекрасным городом на крутом берегу гордого Днепра, зелеными садами его, белою стеной с высокими башнями и воротами, но они не только любовались, вместе с тем они радовались богатой добыче.

Во время этой радости татар какой страх, какой ужас был в Киеве! Князь его Михаил бежал вместе с сыном в Венгрию, как только услышал о приближении Батыя. Даниил Галицкий, заступивший на место его, зная, что с небольшим войском нельзя одолеть великую силу татар, решил также уехать к королю венгерскому и просить у него помощи. Защиту Киева поручил он искусному и храброму боярину Димитрию.

Но ни искусство и храбрость его, ни отчаянное мужество жителей, решивших умереть за веру и отечество, не спасли Киев, и 9 мая он был взят после двухдневной осады. Киевляне не сдавались до последней крайности: даже внутри города сделали наскоро забор около Десятинной церкви, бились еще там и почти все легли на месте. Я не буду рассказывать вам все, что делали татары после победы своей. Вы уже имеете понятие о жестокости их в Северной России. Эта жестокость была всегда одинакова, и зверские сердца их не могли ни устать от вечного кровопролития, ни наскучиться ими. Скажу вам только, что красота и великолепие старинного Киева с тех пор исчезли навеки. Печерский монастырь, или лавра, собор, знаменитая Десятинная церковь были совсем разрушены, и хотя через двести лет они опять были возобновлены, но уже совсем не в том величии, как прежде. Татары похитили все сокровища, искали драгоценности не только во дворцах, но даже в могилах княжеских. Посреди этого всеобщего разрушения сохранилась только православная вера наша, и замечательно, что дикие татары и впоследствии показывали уважение к русскому духовенству.

Боярин Димитрий, начальник неустрашимых киевлян, попал в плен. Батый, несмотря на жестокость свою, уважал истинное мужество и потому полюбил Димитрия, брал его с

собою во все новые походы и даже иногда охотно принимал его советы. Бедный Димитрий был при жестоком победителе своем и тогда, когда он из Киева отправился разорять княжество Галицкое. Здесь-то добрый и храбрый воевода русский, с ужасом глядя на гибель своего отечества, успел оказать ему последнюю услугу: он посоветовал Батыю идти скорее в богатую Венгрию, чтобы король ее не успел собрать сильное войско и напасть на самих татар. Батый послушался его, и несчастная Россия отдохнула. Бедствия ее вместе с татарами перешли в Венгрию, Хорватию, Сербию, Дунайскую Болгарию, Молдавию, Валахию. Вся Европа затрепетала, но судьба спасла ее: Батый получил известие, что великий хан Октай умер. Наследником престола был сын его Гаюк, живший всегда несогласно с Батыем. Это заставило страшного завоевателя подумать о собственных владениях своих. Привыкнув видеть, что все покоряется ему, он не хотел зависеть от великого хана и потому решил основать свое собственное твердое владение, которое бы признавало над собою одно имя, не власть Гаюка. Для этого он выбрал место около нынешней Астрахани и на берегу реки Ахтубы, в 60 верстах от устья Волги, велел строить город Сарай. Близ Селитряного городка и ныне видны еще остатки этого Сарая. Все владение Батыя называлось Великой, Золотой или Капчакской Ордой. Орда же младших братьев его, поселившаяся около Аральского моря, называлась Малой.

Бродя по астраханским и донским степям, наблюдая за постройкой новой столицы своей Сарая, имея под началом полмиллиона воинов, Батый не заботился о новом великом хане и объявил себя повелителем всех областей русских, земли Половецкой, Тавриды, стран кавказских и всех земель от устья Дона до реки Дунай. Никто не смел с ним спорить, все государи согласились, все покорились его ужасной силе.

Батый, величаясь своею славой, гордо звал к себе как своих подданных всех князей, им побежденных, и в том числе великого князя суздальского.

Ярослав II посчитал неблагоразумным не повиноваться ужасному врагу и для спокойствия своего народа, для избавления его от новых бед поехал со многими боярами в Золотую Орду. С той минуты, в которую государь русский решился признать над собой власть Батыя, кончилась независимость отечества нашего и земля Русская сделалась землей покоренной, сделалась данницей татар. Это было в 1243 году.

Жестокое унижение ожидало бедного Ярослава в шатре Батыя, который хотя был ласков к своим подвластным, но принимал их с обрядами, несносными для человека с душой высокой и благородной. Грубый, полудикий хан татарский сидел на возвышенном месте с одною из жен, которых было у него очень много. На скамейках, ниже Батыя, сидели его другие жены, дети, родня и знатные особы. На столе посреди шатра стоял любимый напиток татар – кумыс¹⁸ в золотых и серебряных чашах, очень нечистых: у татар почиталось за грех мыть посуду и платья, и они обыкновенно были чрезвычайно неопрятны. Подходя к шатру, надобно было пройти мимо двух костров: татары думали, что огонь очищает злые намерения и даже лишает силы яд, если кто несет его к хану. Прежде нежели войти, надобно было поклониться на юг тени Чингисхана, потом, войдя в шатер, стать на колени и кланяться в землю. Это должны были делать без различия все цари, князья, вельможи, покоренные Батыем и приходившие к нему. После этого унижительного обряда они делались совершенными рабами его. Князь не мог владеть своими землями без грамоты Батыя, должен был платить ему большую дань, исполнять все его приказания, являться по первому слову его в Орду.

Ярослав Всеволодович, думая только о спасении жизни немногих оставшихся подданных своих, решился перенести такое унижение, и мы должны помнить эту решимость его как величайшую жертву, какую государь может принести своему народу. Такое унижение

¹⁸ Он делался из кобыльего молока.

выше отчаянной храбрости: умереть можно в одну минуту, но государю знаменитому отказаться от славы и свободы, жить в рабстве у дикого варвара – это гораздо хуже одной смерти: это беспрестанная смерть. Если бы великий князь и почти все князья удельные, следовавшие примеру его, не решились тогда на эту великую жертву, злые татары, верно, dokonчили бы истребление всех предков наших, и нас не было бы на свете, и мы не наслаждались бы нынешним счастьем своим, и милая родина наша сделалась бы жилищем диких орд татарских, и громкое, славное, драгоценное для нас имя русское уже давно было бы забыто на земле. Сохраним же в душе нашей уважение к памяти тех князей, которые для спасения жизни своих подданных и для будущего счастья потомков их принуждены были покориться Батыню! Добрые князья страдали для нас! Чувствуя это, мы должны доказать благодарность свою к ним пламенной любовью к тому отечеству, которое для них было дороже всего на свете. Они увидят наше усердие к нему и благословят нас на небе так, как мы благословляем драгоценную память их на земле.

Святой Александр Невский 1243–1263 годы

Когда княжества русские почти исчезали под жестокими ударами татар, когда все князья их, не исключая и неустрашимого Даниила Галицкого – зятя Мстислава Храброго, клялись перед троном Батые быть его верными подданными, когда счастье, слава и радость, казалось, совсем оставили города и селения предков наших, была еще область, где раздавались песни победы, был еще князь, никогда не преклонявший колен в шатре хана татарского. Эта область была Новгородская, этот князь – Александр Ярославич Невский. Это тот князь, который почитается ангелом-хранителем Северной столицы нашей, тот князь, тело которого почивает в прекрасном Александро-Невском монастыре. Маленькие обитатели и обительницы нашего чудесного Петербурга! Верно, вы не раз были в этом монастыре, перед драгоценной гробницей. Верно, вы удивлялись военным украшениям, так прекрасно расположенным по обеим сторонам ее? И, верно, глядя на эти латы, шлемы, щиты и копья, вам очень хотелось знать историю героя Невского? Если так, то ваше желание может быть легко исполнено. Вот эта история.

Александр был сыном великого князя Ярослава II. Необыкновенно умный, храбрый, прекрасный лицом и душой, Александр еще в молодых годах сделался наследником отца своего в Новгороде, и с того времени беспрестанные победы над чудью, финнами, литовцами и ливонскими рыцарями разносили славу его по всем странам. Ливонские рыцари делали в это время еще страшнее для русских: орден их присоединился к другому сильному немецкому ордену рыцарей Святой Марии Иерусалимской, которые завоевали почти всю Пруссию и с такой же жестокостью учили христианской вере тамошних жителей, как ливонские рыцари – чудь и литовцев. Я уже говорила вам, что эти бедные люди убегали в леса от своих учителей, которые в это время вместо прежних красных крестов нашли на белые плащи свои черные, как у немецких рыцарей Святой Марии.

Но не так думал молодой князь Александр Ярославич и его храбрые новгородцы! Не одним ливонским рыцарям, чудь и литовцам было худо от него: однажды он победил даже шведов и норвежцев. За эту победу его назвали Невским; и надобно, милые читатели мои, узнать о ней получше. К тому же ведь это случилось на берегах нашей родной прекрасной Невы!

В 1240 году королю шведскому вздумалось завоевать Ладугу и даже Новгород. Для того он отправил на реку Неву множество судов со шведами и норвежцами под начальством зятя своего Биргера. Биргер, привыкший к победам, велел гордо сказать князю новгородскому: «Иди сражаться со мною, если смеешь; я уже в земле твоей!» Александр не утрашился, не показал послам шведским досады, а спокойно отвечал им, что готов к сражению. Тотчас велел он небольшому войску своему собраться: сам же пошел в Софийскую церковь и там усердно помолился Богу, прося святой Его помощи. Усердная молитва имеет чудесную силу над душой христианина: Александр, который не мог в такое короткое время ожидать помощи от отца своего, не мог даже собрать все войско свое, вышел с улыбкой на лице к своей верной дружине и весело сказал: «Нас немного, и враг силен, но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» Надежда Александра на небесную помощь перешла и в сердца его воинов. Они приблизились к берегам Невы, где стояли шведы, дружно бросились на многочисленных врагов и одержали полную победу в то время, как один из новгородцев, по имени Миша, утопил все суда шведов, так что у них осталось лишь два судна, на которые они погрузили тела главных начальников, всех же других зарыли в яму и ночью 15 июля отправились по Неве назад в Швецию. Эта славная победа, одержанная в то время, когда

бедные предки наши терпели столько горя и унижения от злых татар, обрадовала унылые сердца их и доставила храброму Александру название Невского.

Но слава не спасла его от несчастья: в 1247 году он лишился отца, который не имел даже радости умереть в милом отечестве. Батый приказал ему ехать в Китайскую Татарию, поклониться великому хану. Ярослав Всеволодович не мог не повиноваться, но был так слаб здоровьем, так печален духом, что не перенес трудного путешествия по степям и пустыням необитаемым, диким, бесплодным и даже безводным до того, что иногда люди умирали в них от жажды. Великий князь кое-как доехал туда и, возвращаясь, скончался по дороге. Бывшие с ним бояре привезли тело его во Владимир. Наследником престола был меньшой брат его, Святослав III Всеволодович.

В то время как великий князь русский испытывал всю тоску кончины на голой земле киргизских степей, далеко от милого семейства и родины, другой князь, столько же знаменитый, оканчивал жизнь свою в ужасных мучениях перед шатром Батыя. Это был Михаил, князь черниговский, приехавший в Золотую Орду по приказанию хана и не хотевший поклониться ни тени Чингисхана, ни идолам татарским. «Нет! – говорил он варварам, принуждавшим его сделать это. – Я могу поклониться царю вашему, потому что Бог отдал ему судьбу государств земных, но христианин никогда не служит идолам!» Батый удивился, что еще есть люди, которые противятся ему, и объявил, что Михаил умрет, если не будет повиноваться. Русский князь не боялся смерти. С ангельской кротостью читал он молитвы в то время, когда татары мучили его самым жестоким образом, и тихо скончался, сказав: «Я христианин!» Церковь наша признала его святым мучеником.

После этого рассказа о смерти Ярослава и Михаила вы можете судить, милые читатели, какова была участь бедных предков наших под властью татар. Прибавьте к тому еще все беспорядки, какие происходили в то время, когда надобно было собирать дань, все притеснения, какие делали народу татарские чиновники-сборщики, которые часто платили хану всю сумму сразу и получали за это право взимать ее с русских по мелочам почти вдвое!¹⁹ Прибавьте к тому ссоры князей, не усмиренные и общим несчастьем всей Руси, жалобы и клеветы их друг на друга в Орде и беды, от того происходившие в их княжествах. Одним словом, все в древнем отечестве нашем было печально и уныло, только слава князя новгородского Александра Ярославича сияла, как светлая звезда на небе русском, покрытом черными тучами. Эта слава, носясь по всем княжествам, долетела до слуха страшного Батыя, и вот уже посол татарский несет к герою Невскому повеление явиться к царю, чтобы присягнуть ему в верности и узнать славу и величие татар.

Александр, любивший свое отечество гораздо более своей славы, не хотел, чтобы за него оно испытало новые бедствия, и потому с покорностью христианина последовал примеру отца и поехал вместе с братом Андреем к Батыю, а от него в Татарию, к великому хану. Грустно было сыновьям Ярослава ехать по той самой пустыне, где скончался отец их! Они думали, что так же, как и он, не увидят уже своего отечества, но Бог подкрепил их, и через два года они возвратились, осыпанные милостями великого хана, который поручил Александру всю Южную Россию и Киев, а Андрею – престол владимирский, несмотря на то что дядя их великий князь Святослав был еще жив. Так своевольно распоряжались татары судьбой и князей, и княжеств русских! Святослав Всеволодович напрасно ездил в Орду жаловаться на несправедливость и через два года скончался. Но и Андрей II недолго был государем владимирским. Он не имел столько христианской терпеливости, столько любви к своим подданным, чтобы для спокойствия и безопасности их покориться неизбежной власти победителей России: пылкому, гордому сердцу его казалось лучше отказаться от престола, нежели быть государем – подданным Батыя. Вы можете представить себе, друзья мои, что с таким нравом

¹⁹ Таких сборщиков русские называли откупщиками бусурманскими, или мытарями.

он часто показывал свое презрение к татарам, часто не слушал приказаний их. Толпы их уже шли наказывать дерзкого данника. Андрей, услышав это, убежал в Швецию со всем семейством своим и оставил Великое княжество в добычу варварам. После нового разорения оно отдано было общему любимцу не только русских, но даже и татар, князю Александру Невскому.

Видя на примере брата, как вредны были для отечества гордые и непокорные намерения его, Александр Ярославич еще более увеличил осторожность и благоразумие в сношениях с татарами, не противился им и тогда, когда они прислали чиновников своих сосчитать всех жителей России и определили над ними десятников, сотников и темников²⁰ для сбора податей, уговорил даже гордых, все еще считавших себя независимыми новгородцев заплатить дань, которую требовал от них наследник умершего в 1256 году Батыея – брат его хан Беркий, и тем избавил от разорения первую столицу русскую, богатый и великий Новгород.

Так двенадцать лет продолжалось княжение Александра, так оберегал он бедное отечество свое от новых несчастий, ему грозивших, так примирял оскорбленных соотечественников своих с самовластными ханами. Вы можете представить себе, что нелегко было благородному князю земли Русской ездить кланяться полудиким ханам татарским. Последнее путешествие его в город Сарай было в 1262 году, когда хан Беркий, собираясь идти на новое разорение чужих земель, вздумал требовать у него вспомогательного войска. Александр Ярославич, несмотря на всю кротость свою, не мог перенести мысли, чтобы бедные подданные его, кроме всех несчастий, какие терпели от неверных, еще проливали за них кровь свою. Он поехал умолять Беркия отменить такое жестокое повеление. Хан, чувствуя невольное почтение к великому князю, не мог отказать ему, но с досады продержал его в Орде всю зиму и лето. Тоскуя по родине, насмотрясь во время своего продолжительного пребывания в Сарае на силу и могущество татар и потеряв надежду видеть освобождение отечества от жестокой власти их, Александр приметно ослабевал духом и телом и осенью, возвращаясь на родину, приехал уже больной в Нижний Новгород, а оттуда – в Городец на Клязьме. Здесь он занемог и скончался 14 ноября 1263 года.

Невыразима была горесть всех русских, когда они узнали о кончине своего ангела-хранителя: им казалось, что наступила совершенная погибель отечества, что уже некому будет защитить их от нападения немцев и литовцев, умиловить жестокость ханов, спасти от притеснений откупщиков татарских. Митрополит, встречая гроб Александра у Боголюбова, воскликнул, проливая горькие слезы: «Закатилось солнце земли Русской!» И все бояре, весь народ голосом отчаяния отвечали ему одним словом: «Погибаем!»

Видя чудеса, бывшие при погребении Александра, духовенство и вся Россия причислили его к лику святых, и с тех пор мы молимся ему как нашему заступнику перед Богом.

Тело его погребено было в монастыре Рождества Богоматери, во Владимире. Оно находилось там до времен Петра Великого, который перевез его в новую столицу свою, как бы поручая ее особенному покровительству того, кто некогда прославил это место подвигами мужества и храбрости.

²⁰ Тьмою называлось у древних русских 10 тысяч. Стало быть, «темник» значило: начальник 10 тысяч человек.

Иоанн Калита и Москва, столица России 1328–1340 годы

Ссоры князей московских, потомков Александра Невского, с князьями тверскими, детьми брата его Ярослава Ярославича, напоминают нам старинное, более ста лет продолжавшееся несогласие Олеговичей и Мономаховичей. Разница была в том, что прежде князья-враги истребляли друг друга в жестоких сражениях, теперь же они тайно клеветали в Орде и губили друг друга через царей татарских. Так погибли Михаил и Димитрий, то же угрожало и Александру Михайловичу. Ужасна была судьба его, когда после разорения Тверского княжества он должен был бежать с родины и напрасно просить пристанища и помощи у русских князей. Никто не хотел принять его: все боялись гнева Узбека и любимца его великого князя Иоанна Даниловича, которому приказано было ханом доставить беглеца в Орду.

В это время жители Псковской области показали редкий пример неустрашимости и великодушия: они осмелились стать защитниками Александра Михайловича и не только приняли его со всем семейством, но даже выбрали своим князем и отделились от Новгорода. Никакие угрозы Узбека, великого князя и новгородцев не могли заставить их выдать несчастного князя, тем более что ему покровительствовал и сильный князь литовский Гедимин.

Александр прожил во Пскове около десяти лет, между тем как Тверью управлял брат его Константин Михайлович. Но чужая сторона, несмотря на все выгоды, никогда не может быть для нас так же приятна, как родная, где мы в первый раз увидели свет, где выросли, где все места знакомы нам, где живут люди, которых мы привыкли любить с младенчества. Поэтому вы не удивитесь, милые читатели, когда я скажу вам, что Александр Михайлович все время, пока жил во Пскове, грустил по своей родине Твери и всеми силами старался возвратить себе эту наследственную область. Через десять лет он, надеясь, что гнев Узбека уже утих, решил ехать в Орду, чтобы заслужить его милость. Он не обманулся. Царю понравилась покорность и в то же время смелость, с которой князь сказал ему: «Царь верховный! Я заслужил гнев твой и отдаю тебе судьбу мою. Милуй или казни. Если помилуешь, я прославлю Бога и тебя. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою!» Узбек милостиво выслушал его и с улыбкой сказал своим вельможам: «Князь Александр кротостью и умом своим избавляет себя от казни!» И тогда же возвратил ему Тверское княжество.

Но недолго радовался Александр Михайлович. Не прошло и года, как он с семейством своим приехал в Тверь, – Иоанн Данилович, боясь, чтобы князья тверские опять не усилились и не заспорили с ним о великокняжеском престоле, поехал в Орду клеветать на Александра. Узбека нетрудно было обмануть: он верил всему, что говорили русские князья друг на друга, особенно если они прибавляли к своим словам богатые подарки. Иоанн Данилович не забыл сделать этого – и судьба тверского князя решилась. Он получил повеление хана приехать в Орду, не посмел ослушаться и был убит там вместе с сыном своим Феодором 28 октября 1339 года.

Узбек, умерщвляя князей, думал, что этим еще более утвердит власть татар над русскими, но он очень ошибся: жестокость его только помогла им скорее освободиться от этой власти, утвердив на русском престоле Иоанна I. Имя великого князя омрачилось гибелью Александра Михайловича, но, ослепленный честолюбием, он думал, что обстоятельства оправдывают его. Зная, что все несчастья России происходили от несогласия и слабости князей, он старался с самого вступления своего на престол иметь под своей властью все другие княжества. Самым сильным из них было Тверское. Предвидя, сколько новых бед может случиться в России, если тверские князья вздумают отнимать у потомков его престол, Иоанн не считал за грех погубить одного князя для спасения нескольких тысяч людей.

Если бы не это бедственное заблуждение, нам оставалось бы только прославлять память Иоанна Даниловича, потому что он первый положил начало освобождению предков наших от власти татар; он первый воплотил мысль Андрея Георгиевича о том, что для счастья и славы отечества нашего нужно, чтобы все обширные части его повиновались воле одного государя, а не прихотям нескольких ничтожных князей маленьких уделов; он первый после нашествия татар начал соединять эти расстроженные части в одно целое; он первый назвал столицей России Москву – родную, славную, незабвенную по тем событиям, какие потом произошли в ней.

Казалось, сам Бог назначил ее быть столицей: Москва лежала в середине тогдашней России, все главные области окружали ее почти на равном расстоянии. Следовательно, нельзя было лучше выбрать города для пребывания государя. Кроме того, привязанность к нему благочестивого митрополита Петра, названного потом церковью нашей святым, как будто бы предвещала новой столице благословение и особенное покровительство Божие. Все митрополиты русские всегда жили прежде в Киеве и потом во Владимире, как в столицах городов государства. Петр, полюбив Москву, переселился в нее, прежде чем ее сделали столицей, и попросил Иоанна построить здесь церковь Богоматери. Иоанн исполнил его желание и в 1326 году, 4 августа, заложил в Москве на площади первую каменную церковь во имя Успения Богородицы. Митрополит собственными руками построил себе каменный гроб в ее стене и вскоре скончался. Церковь была достроена и освящена уже без него новым митрополитом – Феогностом.

Княжение Иоанна Даниловича продолжалось двенадцать лет. Несмотря на несчастную смерть родственника его Александра Михайловича, москвитяне очень любили Иоанна за набожность, усердие к возведению церквей и милосердие к нищим. Они называли его *собирателем земли Русской* и государем-отцом. Еще было у него прозвание *Калита*. Оно произошло от того, что он всегда носил с собой мешок, наполненный деньгами для бедных, а такой мешок называли в старину калитой. Кроме Успенского собора он построил еще каменный Архангельский, где и был погребен и где с того времени погребали всех московских князей. В 1339 году он окружил новую столицу дубовыми стенами и возобновил Кремль, или Кремль, который при нем сгорел. Кремль был тогда внутренней крепостью, по старинному названию – детинцем²¹.

Если вы слышали поговорку «Близ царя – близ смерти», то надобно сказать вам, что она появилась в то время, когда не только народ русский, но даже и князья его так боялись татарских царей, что поехать в Орду было для них то же, что приготовиться к смерти. Они прощались навек с семейством и друзьями своими, писали духовные завещания, назначали даже деньги на поминовение души своей. Вы можете видеть это в завещании великого князя Иоанна Калиты, который написал его, отправляясь еще в начале княжения своего к Узбеку. Оно очень любопытно тем, что дает нам понятие о владениях и состоянии великого князя. Я не буду описывать подробно это завещание, но выпишу из него только то, что, кажется, будет любопытно для вас.

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Не зная, что Всевышний готовит мне в Орде, куда еду, оставляю эту *душевную грамоту*, написанную мною добровольно, в целом уме и совершенном здоровье. Приказываю²² в случае смерти сыновьям моим город Москву. Отдаю Симеону Можайск, Коломну с волостями; Ивану – Звенигород и Рузу; Андрею – Лопасну, Серпухов, Перемышль; княгине моей с меньшими детьми – села, бывшие в ее владении. Еще при жизни дал я сыну Симеону четыре цепи, три пояса, две чаши, блюдо с жемчугом и два ковша золо-

²¹ По наименованию стражи, или телохранителей княжеских, называвшихся детскими или отроками, которым поручали защищать внутренние крепости.

²² Т. е. поручаю.

тые да три блюда серебряные; Ивану – четыре цепи, два пояса с жемчугом и с камнями, третий – сердоликовый, два ковша, две круглые чаши золотые да три блюда серебряные; Андрею – четыре цепи, пояс жемчужный, другой с крюком, на красном шелке, третий ханский; два ковша, две чарки золотые да три блюда серебряные. Золото княгини отдал я дочери Фетинье: 14 колец, новый складень, ожерелье матери ее, чело²³ и гривну, а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю княгине моей с меньшими детьми. Из платьев моих назначаю: Симеону – шубу красную с жемчугом и шапку золотую; Ивану – желтую объяринную шубу с жемчугом и мантию с бармами²⁴; Андрею – шубу соболью с наплечниками, низанными жемчугом, а две новые шубы с жемчугом – меньшим детям Марье и Федосье. Серебряные пояса и другие одежды мои раздать священникам, а сто рублей, оставленных мною у казначея, – по церквам. Тебе, Симеон, как старшему сыну, приказываю меньших братьев и княгиню с дочерьми: будь им по Боге главным защитником».

Вы видите, как невелико было богатство прежних государей наших; однако, довольствуясь и малым, они высоко ценили его. Вы можете заметить это по той точности, с которой сказано в духовной даже о кольцах. А мы как часто считаем за ничто не только кольца, но и вещи более драгоценные, которыми одаривают нас наши родители. Как часто мы готовы безрассудно отдать их за какую-нибудь безделицу, более блестящую! Поучимся же у старинных князей наших быть бережливыми и сохраним надолго все, что получили от людей, которых любим и уважаем! Ведь и Иоанн Калита получил от отца и деда почти все те вещи, которые отказывал детям своим.

²³ Головной убор.

²⁴ Род воротника с оплечьями.

Русские дети 1359–1362 годы

Мне не нужно говорить вам, читатели мои, что храбрость – врожденное качество русского народа. Много раз доказали это воины наши во все века и при всех государях, но, кроме того, бывали примеры в России, когда дети ходили в настоящие сражения и побеждали неприятелей с такою же славою, как и взрослые люди.

В 1359 году скончался великий князь Иоанн II Иоаннович, прозванный Кротким. У него осталось два сына: старший – Дмитрий, о котором вы уже слышали, девяти лет, младший – Иоанн, семи лет, и еще племянник, сын его брата Андрея Иоанновича Владимир, шести лет. Этим трем малюткам Иоанн II отказал в такой же духовной, какую писал и дед их Иоанн Калита, свое наследственное Московское княжество со всеми принадлежавшими ему городами и деревнями, но ни одного из них не назначил великим князем, потому что это назначение зависело от татарского царя.

В это время в Орде происходили беспорядки, ссоры, убийства. Ханы беспрестанно сменялись, истребляя друг друга. Один из них – Темирхожа – был ханом только шесть дней, на седьмой татары взбунтовались; простой темник Мамай возглавил этот бунт, он убил Темирхожу и отдал ханство какому-то Авдулу, который во всем повиновался ему.

Но не все хотели иметь царем своим Авдула. Многие вельможи татарские остались в Сарае с ханом Мурутом, другие овладели болгарской землей, третьи – мордовской. Так Капчакское царство разделялось, ослабевало, готовясь к своему падению. Но это еще не скоро должно было случиться.

Во время таких беспорядков трудно было князьям русским узнать от ханов, кто будет великим князем после Иоанна II. Они почти все поехали в Орду, даже маленький Дмитрий. Урус, бывший в то время царем, вздумал безо всякой особенной причины сделать великим князем Дмитрия Константиновича Суздальского, сына ростовского князя, никакими достоинствами и делами не заслужившего столь важного отличия. Все русские удивились этому: все знали, что ни дед, ни отец Дмитрия Константиновича никогда не были великими князьями, что этот титул принадлежал князьям московским.

Маленький Дмитрий Иоаннович тоже удивился, обиделся и уехал из Орды с намерением непременно отнять у Дмитрия Константиновича не принадлежавшее ему достоинство, заслужив его славными делами и победами.

Эта мысль твердо поселилась в уме смелого мальчика. Мать его великая княгиня Александра, митрополит Алексей и все верные бояре, любившие отечество и предвидевшие славу его от величия князей московских, поддержали маленького героя. Через два года он объявил себя великим князем и позвал Дмитрия Константиновича, жившего во время своего княжения в прежней столице России – Владимире, на суд к хану. Это было, когда в Капчакской Орде царствовали несколько ханов, но русские почитали законным того, который жил в Сарае. Итак, бояре московские отправились к Муруту. Напуганный, притесненный мятежником Мамаем, Мурут обрадовался чести, какую оказали ему москвитяне, и согласился признать двенадцатилетнего Дмитрия великим князем русским.

Но слабый хан Мурут не мог помочь войсками новому великому князю, и потому Дмитрий Константинович не признал его суда и не выехал ни из Владимира, ни из Переяславля-Залесского. Тогда-то дети русские показали храбрость свою! Не только Дмитрий, но и младший брат его Иоанн, и даже восьмилетний Владимир пошли вместе с полками московскими усмирять непокорного суздальского князя. Конечно, их не только благословил на этот поход, но даже и поехал вместе с ними митрополит Алексей, их окружали умные и храбрые

воеводы, их защищали от опасностей все воины грудью своей, но все-таки нельзя не удивляться их смелости, нельзя не восхищаться их неустрашимостью, нельзя не гордиться всем нам, русским, что у наших государей бывают такие дети-герои! Дмитрий Константинович, зная, что князь московский почти младенец, никак не ожидал, что москвитяне осмелятся идти против него. Он не приготовился к сражению и вынужден был бежать из Переяславля и уступить великокняжеский престол своему маленькому сопернику. Русские государи короновались тогда не в Москве, а в прежней столице – Владимире. Дмитрий Иоаннович поехал туда, прожил там несколько дней после коронавания и возвратился в Москву, не желая преследовать неприятеля, который остался княжить в своем наследственном уделе.

Так благодетельная для нас мысль Андрея Боголюбского, Иоанна Калиты и Симеона Гордого – мысль о том, чтобы всех удельных князей привести под власть одного государя, – сделалась и мыслью Дмитрия. Мы скоро увидим, что Дмитрий имел и другую славную цель всей своей жизни – он хотел освободить отечество свое от власти татар. Об этом вы прочтаете на следующих страницах.

Донское сражение, или Куликовская битва 1362–1380 годы

Много забот, трудов, беспокойств и огорчений ожидало Дмитрия Иоанновича на великокняжеском престоле. Сначала ему пришлось несколько раз усмирять Дмитрия Константиновича, который все еще стремился быть великим князем. Наконец, видя, что все старания его напрасны, он не только помирился с Дмитрием Иоанновичем, но даже через пять лет отдал за него дочь свою Евдокию.

После мира с главным врагом Дмитрий должен был утешать московских жителей в несчастьях, у них случившихся: прежде всего от большого пожара²⁵, истребившего почти всю Москву, потом от возвратившейся в нее *черной смерти*.

Но эти несчастья Москвы были не так важны, как те, которые навлек на нее гордый и честолюбивый тверской князь Михаил, сын Александра Михайловича. Он знал о намерении Дмитрия привести удельных князей под свою власть и, думая больше о собственной выгоде, нежели о пользе отечества, решил противиться этому. К несчастью, у Михаила были для этого средства: знаменитый Ольгерд, князь литовский, наводивший в то время с братом своим Кестутием страх на всех соседей, был женат на сестре Михаила – тверской княжне Иулиании Александровне. При всякой своей неудаче в России Михаил уезжал к зятю в Литву и возвращался оттуда с войском литовским, которое не менее татарского разоряло отечество наше. Так, в 1368 году он пришел вместе с самим Ольгердом, который три дня грабил, жег, опустошал Москву. Великий князь, брат его Владимир Андреевич, митрополит Алексей и знатные бояре едва спаслись в Кремле²⁶. Выходя из Москвы, Ольгерд хвастал тем, что русские долго не забудут его.

Впрочем, это нашествие литовцев не принесло никакой пользы Михаилу: Дмитрий остался на великокняжеском престоле. Тогда тверской князь решил просить помощи у Мамаю, который в это время был уже так силен, что соединил свою Волжскую Орду с Золотой, или Сарайской, и, сделав ханом Мамант-Салтана, повелевал им как хотел. Михаил Александрович умел угодить гордому татарину, и Мамай дал ему грамоту на Великое княжество и послал, чтобы возвести его на престол.

Но прошло то время, когда князья русские, не рассуждая, повиновались татарам: Михаил с ханской грамотой едва мог убежать от полков московских в Вильну (вы помните, что это была столица литовского князя). Старый Ольгерд ласково принял зятя и согласился идти с ним на русских.

Кремль во второй раз спас великого князя и все семейство его. Пока литовцы стояли перед этой крепостью, рассуждая, начинать ли приступ, брат Дмитрия Владимир Андреевич и князь Пронский пришли с сильными полками из Перемышля и Рязани. Ольгерд, увидев, что со всех сторон его окружают русские, испугался и начал просить мира, уверяя, что вечно будет другом русских. Чтобы доказать свою искренность, он предложил выдать дочь свою Елену за умного и храброго князя Владимира Андреевича. Добрые предки наши поверили ему, княжна литовская сделалась русской княгиней, но ссоры с Ольгердом от того не уменьшились, и до самой смерти своей он разорял отечество наше в угоду зятю своему, который только в 1375 году был совершенно усмирен великим князем. В договорной грамоте Михаил поклялся при митрополите Алексии считать московского князя старшим и никогда

²⁵ Этот пожар называется в истории Всесвятским, потому что начался в церкви Всех Святых.

²⁶ После Всесвятского пожара Дмитрий, видя, что деревянные укрепления ненадежны, построил каменный Кремль и в нем-то спасся от Ольгерда.

не искать великокняжеского престола. Молодой Димитрий Иоаннович был так добр, что не только не отнял наследственного княжества у смертельного врага своего (чего он по справедливости заслуживал), но даже позволил ему называться великим князем тверским. Впрочем, одно это название без владимирского престола не было важно: так называли сами себя часто и разные другие князья, например рязанские и смоленские.

Войско русское почти не отдыхало во время княжения Димитрия: едва окончилась продолжительная война с тверским князем, как полки московские пошли в Камскую Болгарию. Великий князь беспрестанно думал о том, чтобы освободить отечество свое от власти татар. Камская Болгария тогда принадлежала им: этого довольно было, чтобы заставить Димитрия овладеть ею.

В то время она называлась уже не Камской, а Казанской Болгарией, потому что в ней был уже славный в истории нашей город Казань. Его основал один из татарских ханов по имени Саин²⁷, который, идучи завоевывать Россию, был встречен тут многими русскими князьями. Боясь татар как огня, они пришли к ним с покорностью и принесли богатые дары. Саин сжалился над ними и не пошел в тот раз далее. Место ему понравилось, и Саин вздумал основать тут городок для того, чтобы татарские баскаки, посылаемые для сбора дани с русских, могли здесь отдыхать. Он населил этот городок болгарскими, черемисами, вотяками, мордвою и назвал Казанью. Казань значит по-татарски «котел» или «золотое дно».

При Димитрии Иоанновиче Казань была уже не городком, а богатым городом. Жители его, думая испугать русское войско, посланное Димитрием, выехали навстречу ему на верблюдах. Но чего боятся русские? Они бросились на них так скоро и неустрашимо, что верблюды едва успели повернуться и побежать назад к городу. Два владетеля болгарских – Осан и Махмат-Салтан – покорились великому князю и дали ему 2 тысячи рублей, а на воинов его – 3 тысячи рублей и обязались и впредь быть данниками московского князя.

Димитрий очень досадил татарам покорением области, им принадлежавшей, но в 1378 году – еще более: он победил в Рязанской области, на берегах реки Вожи, сильное войско, посланное Мамаем, чтобы наказать дерзкого русского князя. Эта победа – первая, одержанная над татарами с 1224 года, – показала, что русские уже не те покорные рабы, какими были прежде. Мамай пожелал отомстить храброму Димитрию и, чтобы вернее сделать это, собрал войско из татар, половцев, турок, черкесов, ясов, жидов кавказских и армян. Но это войско показалось Мамаю еще недостаточным для усмирения русских: он пригласил на помощь литовского князя. Ольгерда уже не было на свете. Наследник – любимый сын его Ягайло – начал свое правление с того, что убил дядю Кестутя и принудил его сына, молодого Витовта, убежать в Пруссию. Не забудьте этого Витовта: он очень прославится впоследствии.

Мамай, прослышав о злых делах Ягайлы, подумал: «Это будет славный помощник мне!» И не ошибся. Литовский князь обрадовался его предложению, они условились совершенно разорить землю Русскую, сжечь все города, селения и церкви христианские. К этим двум безбожным врагам нашего отечества присоединился третий. Кажется, он был еще хуже их. Верно, вы согласитесь с этим, милые читатели, когда узнаете, что он был русский. Да, это был князь рязанский Олег! Жестокий, хитрый, лукавый, он умел скрывать свои пороки и оказывал всегда столько почтения и любви великому князю, что добрый Димитрий считал его истинным другом своим. И после этого Олег не постыдился изменить ему: сам предложил Мамаю и Ягайле свою помощь и согласился ждать на берегах Оки! Мамай обещал за это разделить между обоими союзниками завоеванное Великое княжество. Эта награда была с самого начала причиной измены Олега: он думал, что соединенные войска татарские и литовские совсем разорят русские княжества, и надеялся в это время не только сохранить свое, но даже увеличить его.

²⁷ Саин был или сын Батгя Сартак, или сам Батый, которого татарские историки называют Сагином.

Пока бессовестный Олег рассуждал таким образом, пока Мамай и Ягайло мысленно уже считали звонкое золото русское, которым хотели обогатиться, Москва была в тревоге, но не от страха. Напротив того, все – от самых храбрых и неустрашимых воинов до молодых девушек и детей – оживлены были смелостью, все думали, что пришло время освобождения от власти татар, и как будто предчувствовали, что Бог, сжался над страданиями русских, наконец поможет им победить своих притеснителей. Пример в этом мужестве, в этой надежде подавал всем жителям московским их государь. Как только Димитрий узнал о намерении Мамаю и Ягайлы, он разослал гонцов во все области Великого княжества с повелением собирать войско и вести его прямо в Москву. Через несколько дней целые города готовы были идти против неприятелей. Каждый день приходили в Москву новые полки под начальством князей или бояр. Это были князья ростовские, белозерские, ярославские со своими подданными; бояре владимирские, суздальские, переяславские, костромские, муромские, дмитровские, можайские, звенигородские, угличские, серпуховские. Все эти дружины составили многочисленное войско, которое готово было выступить в поход. Но Димитрий прежде хотел вместе с неразлучным другом своим и, после ранней кончины родного брата Иоанна, единственным братом и товарищем – князем Владимиром Андреевичем и со всеми главными воеводами съездить в уединенный Троицкий монастырь и там принять благословение игумена Сергия, о благочестии которого читатели уже слышали. Этот святой старец хотя уже давно отказался от мира, но пламенно любил свое отечество. Он обрадовался, неожиданно увидев храбрых защитников в тихом монастыре своем; обрадовался смирению, с которым они желали получить через него благословение Божие, потому что это предвещало им помощь небесную и победу. Он упросил великого князя отобедать в монастыре, окропил святою водою его и всех бывших с ним военачальников и отпустил с ними разделять опасности войны двух монахов – Александра Пересвета и Ослябю. Выезжая из Троицкого монастыря, Димитрий еще более надеялся на победу.

В церкви Михаила Архангела над гробницами предков своих, государей московских, великий князь еще раз помолился Богу и простился с супругой. Горько плакала она, отпуская друга своего на сражение с татарами. Невольно приходила ей в голову мысль обо всех князьях, уже убитых ими. Далеко за городские ворота провожали московские жители государя и войско его и только к вечеру возвратились в тихую столицу, где остались одни старики, женщины и дети.

В 94 верстах от Москвы, в городе Коломне, соединились с Димитрием два союзника его – сыновья Ольгерда, князья полоцкий и брянский, обиженные братом своим Ягайлом и поклявшиеся отомстить ему.

Здесь великий князь осмотрел все войско свое. Никогда еще не было оно так многочисленно: более 150 тысяч воинов конных и пеших стояло в рядах! Димитрий был спокоен и тверд, его огорчала только измена Олега, и огорчала не потому, что он боялся ее, а потому, что ему горестно было видеть изменника в прежнем друге. Между тем Олег страдал от измены своей гораздо более его: узнав, что великий князь не утрашился войны и уже перешел за Оку, в его собственную рязанскую землю, он не знал, что делать и к кому пристать, – боялся и Мамаю, и Димитрия, раскаивался в измене и дрожал при одной мысли о том, что будет с ним впоследствии.

Мамай со всей ордой уже стоял за Доном и ждал Ягайлу. Войско наше подошло к этой реке. Князья и бояре долго рассуждали, переходить ее или ожидать татар здесь? Решено было перейти, чтобы не дать Мамаю соединиться с литовским князем, и на другой день поутру все войско русское уже стояло на другой стороне Дона, на берегах реки Непрядвы. Здесь Димитрий Иоаннович еще раз взглянул с высокого холма на многочисленные полки свои. Мысль, что, может быть, через несколько часов все эти храбрые воины погибнут под ударами жестоких татар, так тронула доброе сердце его, что он упал на колени и, глядя на

золотой образ Спасителя, веявший на черном знамени великокняжеском, молился за народ свой. Потом объехал все полки, говорил с каждым из них, называл воинов милыми братьями, обещал им славу в здешнем мире и в будущем.

Это было 8 сентября 1380 года. В шестом часу дня войско наше дошло до поля Куликова, которое простиралось более чем на десять верст. Здесь русские увидели неприятелей. Татар было больше наших. Димитрий, несмотря на просьбы князей и бояр, которые умоляли его не подвергать опасности жизнь свою, сражался в передовом полку. Он первым ударил по врагу; место его было в рядах простых воинов. Три часа продолжалась страшная битва. Кровь лилась на всем обширном поле, но все еще нельзя было решить, кто останется победителем. В одном месте русские теснили татар, в другом – татары русских. Однако уже *большие*, или княжеские, знамена едва спасены были от рук Мамаю; уже некоторые из полков московских хотели было бежать, как вдруг князь Владимир Андреевич, начальник засадного полка, выступил из рощи, которая скрывала его от всех, и неустрашимо бросился на татар. Это решило судьбу сражения: неприятели не могли уже противиться свежему войску и побежали. Мамай, увидев это бегство, вскричал с тоскою отчаяния: «Велик Бог христианский!» – и побежал за своими воинами. Русские гнали их до реки Мечи, убивали и топили без счета и взяли в добычу множество лошадей и верблюдов, навьюченных разными ценностями.

Радость и счастье победителей были неопишуты! Первого героя этого знаменитого в нашей истории дня – великого князя Димитрия Иоанновича называли Донским, второго, князя Владимира Андреевича, – Храбрым. Они вместе со всеми оставшимися в живых князьями и боярами объезжали поле Куликово: много было убито русских, но вчетверо более татар; всего же, по уверению некоторых историков, было до 200 тысяч тел. Великий князь плакал над всеми ими и в знак благодарности приказал праздновать память их в Дмитриевскую субботу, которая бывает между 18-м и 26-м числами октября.

Ягайло в день Донского сражения был только в 30 верстах от Мамаю и, узнав, чем оно окончилось, устранился и побежал назад в Литву так скоро, что русские не могли догнать его. Так Димитрию удалось в один день избавить Россию от двух сильных неприятелей.

Известие о победе его восхитило не только жителей Москвы и областей Великого княжества, но и всех других княжеств. Народ везде встречал Донского с неизъяснимым восторгом, как освободителя отечества от жестокой власти варваров: все думали, что это освобождение уже исполнено, что слава и счастье нашего отечества уже навсегда возобновились, что татары после Куликовской битвы никогда уже не осмелятся идти на русских.

Вера и набожность русских 1389–1395 годы

Счастлив тот человек, который горячо любит Бога, искренно боится прогневить Его и в горести твердо надеется на Его помощь! Никакие опасности для него не страшны: он всегда может быть уверен, что, усердно помолясь Богу, он будет услышан Им и избавлен от беды. Это испытали предки наши, которые были гораздо усерднее к Богу, нежели мы. Послушайте, как чудесно Он показал им однажды, что молитвы людей имеют доступ к светлому престолу Его.

Уже прошло более пяти лет с тех пор, как молодой сын и наследник Донского великий князь Василий II Дмитриевич вступил безо всякого спора на великокняжеский престол, уже он успел показать подданным своим, что во многом походит на знаменитого отца своего, твердость духа, ум, намерения, желания – все было у них одинаково. Василий так же, как и Дмитрий, понимал, что счастье России требует усиления Великого княжества, и уже в первые годы своего княжения сумел сделать то, о чем не смел и думать отец его: он присоединил к Москве с согласия хана сильные княжества Суздальское и Нижегородское и, кроме того, получил от него города Мещеру, Городец, Тарусу и Муром.

Увеличив таким образом Великое княжество, умирив новый бунт беспокойных подданных своих, новгородцев, Василий весело праздновал свадьбу свою с Софией, дочерью литовского князя Витовта, как вдруг разнеслась страшная весть, что новый Батый – чагатайский хан Тамерлан идет на Россию. Читатели мои уже слышали об этом бесстрашном государе татарском, хотевшем завоевать целый свет. Вы помните, что он помог Тохтамышу победить Мамаю и завладеть Золотой Ордой. Но благодарности не знают полудикие народы. Тохтамыш забыл все, чем обязан был Тамерлану, и осмелился пойти войной на этого государя – повелителя двадцати шести царств в трех частях мира. Тамерлан, узнав о такой дерзости, пошел сам наказывать его, и между реками Тереком и Курою, на черкесской земле, встретились жестокие враги. Тохтамыш был совершенно разбит и бежал за Волгу. Тамерлан вслед за бегущим Тохтамышем перешел Волгу, степи саратовские и уже взял один русский город – Елец. Все встревожились и тотчас вообразили, что настало опять то время, какое было 160 лет назад. Только великий князь не пришел в уныние и доказал, что достоин отца своего: не теряя времени, собрал он многочисленное войско, в котором можно было видеть стариков, сражавшихся на поле Куликовом, и, поручив Москву храброму дяде своему Владимиру Андреевичу, выступил с полками на берега Оки.

Отпуская молодого государя своего на опасную войну с татарами, московские жители показали столько уныния, что Василий, желая утешить и ободрить добрый народ свой, написал из Коломны митрополиту московскому, чтобы он послал во Владимир за образом Божией Матери, Пирогощей, привезенным Андреем Боголюбским из Киева. Вы помните, конечно, то странное происшествие, которое случилось с Андреем, когда он подъезжал с этим образом ко Владимиру. Многие другие случаи, и особенно победа Андрея над болгарями, приписанная также помощи этого образа, внушили предкам нашим глубокое уважение к нему. Молитва перед Святой Девой, на нем изображенной, успокаивала их надеждой верной помощи в бедствии. Поэтому вы можете судить, как обрадовались москвитяне, когда услышали, что к ним принесут чудотворный образ! Но зато владимирцы горько плакали о нем! Далеко по дороге провожали они святую заступницу свою. Между тем в Москве все с восхищением приготовлялось к принятию ее. Князь Владимир Андреевич, семейство великого князя, бояре и народ встретили образ за городом, на Кучковом поле, где теперь Сретенский монастырь. Увидев его издали, все упали на колени и со слезами говорили: «Матерь

Божия, спаси землю Русскую!» – но, говоря это и проливая слезы, все были спокойны в предчувствии, что Господь не оставит надеющихся на Него.

И это предчувствие было справедливо! Тамерлан уже шел по берегам Дона, разоряя все селения и города. По всему видно было, что он хотел идти к Москве, но вдруг остановился, две недели пробыл на одном месте, а потом 26 августа 1395 года – в тот самый день и час, когда жители Москвы с такой истинной верой встретили образ Божией Матери на Кучковом поле, – повернул к югу и ушел с Русской земли. Великий князь и все войско, радуясь избавлению отечества от самого ужасного завоевателя, спешили возвратиться в Москву и усердными молитвами перед спасительным образом благодарили за чудесную помощь Божию! Великий князь построил каменную церковь Пресвятой Богородицы и монастырь на поле Кучковом и установил с того времени праздновать Сретение Богоматери 26 августа.

Между тем Тамерлан заставил несчастный город Азов, землю черкесскую и яскую, Астрахань и Сарай вытерпеть все то, что приготавлил Москве: все эти области были разорены и выжжены. Капчакская Орда после нашествия его осталась в самом жалком положении: три хана присваивали ее себе – Тохтамыш, Кайричак и Тимур-Кутлук.

Рождение Петра I 1670–1676 годы

Живо представляю себе, как обрадуетесь вы, друзья мои, прочитав название этой главы, увидев это имя, славное, великое, равно прославляемое русскими и в раззолоченных палатах вельмож, и в бревенчатых домиках крестьян. Любовь к Петру одинакова не только во всяком звании народа нашего, но даже, мне кажется, и во всяком возрасте. Скажите, кто из маленьких читателей моих еще не знает его и не желает слышать все, что рассказывают о нем? О, в этом случае не уступят им и читательницы мои! Посмотрите, какое любопытство приметно на лицах их! Удивительно ли это? Нет! Ведь они русские девочки, а даже все иностранные народы и все умнейшие писатели этих народов не могут надивиться нашему незабвенному Петру и все в один голос называют его самым великим государем. После того как же можно нам, русским, счастьем которых Петр посвящал каждый час своей славной жизни, менее восхищаться им?

Итак, мои милые читатели, ваше любопытство справедливо, и я сожалею, что не могу в эту же минуту удовлетворить его, несмотря на обманчивое название этого рассказа. Еще не настало время начать историю Петра – будущий герой России, вместе с будущим величием ее, еще покоится в детской колыбели, младенческие взоры его еще не зажглись огнем гения, маленькие ручки еще не чертят планов завоеванных земель и новой столицы, а беспечно играют жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нежно склонившейся над его колыбелью. Но кто же эта счастливица, улыбающаяся младенцу Петру? Не так ослепителен блеск царской одежды ее, как очаровательно счастье, блистающее в прекрасных глазах. Кто она, отгадать нетрудно. Это молодая супруга царя Алексея Михайловича, это счастливая мать Петра.

Мать Петра! Как занимательна должна быть ее история, как любопытны все подробности, ее касающиеся! К тому же ведь это не первая супруга Алексея Михайловича – уже известная нам царица Мария Ильинишна, из рода Милославских. Нет, она умерла в 1669 году, и царь женат теперь на другой. Итак, маленькие друзья мои, ожидания и желания ваши не были напрасны: вы услышите историю матери Петра, узнаете, кто была она, прежде чем судьба возвела ее на трон России.

Возвратимся же несколько назад, забудем, что Петр уже родился, и представим себе то время, когда Алексей Михайлович, недавно лишившись супруги, с которой жил долго и счастливо, должен был вскоре оплакать и смерть старшего, шестнадцатилетнего сына, царевича Алексея Алексеевича. Но и эти сильные семейные горести не произвели губительного воздействия на твердую душу царя. С прежней неутомимостью продолжал он заниматься государственными делами. Во всем обширном царстве его не было предмета, на который бы он не обращал своего благодетельного внимания. Собранные узаконения уже давно были изданы под названием «Уложения царя Алексея Михайловича», и эта книга, к славе мудрого государя, сделалась основанием русских законов. Послы его ездили не только в Германию, Францию и Швецию, но даже в Испанию и Италию, даже в Турцию и Китай. Для торговли с последним построены были в Сибири города Нерчинск и Иркутск. Торговля вообще была заметно улучшена в это примечательное царствование. Самые деньги получили другой вид: Алексей Михайлович учредил монетный двор, где начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространения просвещения он основал в Москве первую академию, которая называлась Заиконоспасскою. Что же касается правосудия, то редкий государь был правосуден так, как Алексей Михайлович. Кроме того, что он внимательно рассматривал все дела, какие представляли ему бояре, перед дворцом его всегда стоял запечатанный царской

печатью ящик со скважиной на крышке, в которую можно было просунуть свернутый лист бумаги. В этот ящик каждому позволялось класть свою просьбу. Вечером его приносили к государю, который сам распечатывал его, сам рассматривал все просьбы и сам тотчас же писал на них свои решения.

В таком беспрестанном занятии делами народа великодушный Алексей проводил всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сделала его осторожным в выборе советников и друзей. Долго искал он человека, с которым бы можно было разделить тяжесть правления, и все боялся ошибиться. Наконец показалось ему, что он встретил такого, что нашел верного друга, готового пожертвовать для него и отечества жизнью. Это был думный дворянин Артамон Сергеевич Матвеев. С каждым днем царь открывал в нем новые достоинства, с каждым днем любил его более и более, и надобно сказать правду – на этот раз Алексей Михайлович не ошибся: из всех придворных его не было никого благороднее, добрее и усерднее Матвеева! Царь находил так много удовольствия в беседах с умным советником своим, что даже иногда ездил к нему в гости. С удивлением смотрели на это придворные: прежде никогда не бывало, чтобы цари русские посещали своих подданных.

Со времени кончины супруги и сына эти посещения сделались чаще, потому что, несмотря на всю твердость души, государь не мог не грустить о невозвратной потере милых сердцу его. Артамон Сергеевич умел развлекать его, утешать лучше всех других придворных бояр и вельмож.

Так протекли два года, и к царю возвратились прежние спокойствие и веселость. Однажды Алексей Михайлович приехал к любимцу своему позже обычного: у боярина, не ожидавшего в тот день гостей, уже накрыт был стол для ужина. Царь, заметив небольшое замешательство хозяина, шутливо сказал, что стол накрыт очень кстати, что он проголодался и вместе с ним отужинает, только с тем, прибавил добрый государь, «чтобы за столом были все те, кто обыкновенно ужинает с тобою».

Желание царя было исполнено, и, когда кушанье подали, в комнату вошла хозяйка с сыном и молодой девушкой. Царь удивился: никогда не слышал он, чтобы у Матвеева была дочь, и никогда прежде не видал в доме его этой девушки. За ужином удивление его увеличилось: незнакомка была красавица из красавиц. По обыкновению того времени, она мало говорила, но зато всякое слово ее было так мило и умно, что восхищенный государь не мог наслушаться ее голоса, не мог наглядеться на прекрасные черты ее лица. Почти не спуская с нее глаз, Алексей Михайлович даже позабыл спросить, как зовут ту, которая так приятно поразила его, и не прежде как в половине ужина поздравил хозяина с такой прекрасной дочерью. Но тут узнал он, что это не дочь, а только воспитанница Матвеева. Отец ее, Кирилл Полуектович Нарышкин, был небогатый дворянин, который, проживая лето и зиму в бедной деревеньке своей, был очень рад, что родственник и друг его Артамон Сергеевич взял к себе маленькую дочь его. Итак, Наталия выросла в доме Матвеева. Он и добрая жена его любили воспитанницу свою, как родное дитя, и, рано заметив чрезвычайную красоту девочки, старались украсить и ум ее всеми познаниями, какие только можно было в то время доставить именитой боярышне русской. Наталия щедро вознаграждала эту любовь и эти нежные попечения: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцем столько же, сколько наружностью. Любуясь ею, добрые Матвеевы часто думали, что как Бог помог им воспитать приемную дочь их, так со временем поможет и выдать замуж за хорошего человека, который не посмотрит на то, что она бедная девушка.

Все это было рассказано Алексею Михайловичу, когда он начал расспрашивать любимца своего о его прекрасной воспитаннице. Артамон Сергеевич не скрыл от доброго государя даже и того, что и он и жена его желали бы видеть милую Наталию свою замужем. Царь не только одобрил такое желание, но, уезжая домой, сказал, что и он подумает о том, как бы найти хорошего жениха для такой прекрасной девушки, как Наталия.

Он и подлинно начал думать об этом, и вообразите, кто был этот жених, которого он выбрал для счастливой? Это был он сам! Да, прелестная дочь Нарышкина так пленила царя своей наружностью, а воспитание, полученное ею в доме умного Артамона Сергеевича, так хорошо ручалось за ее душевные способности, что он решился сделать ее супругою своею и на той же неделе приехал сказать об этом Матвееву. Вы можете представить себе, как удивился добрый воспитатель Наталии! Сначала думал он, что слышит это во сне, но потом, когда государь повторил еще раз слова свои, Матвеев упал к ногам его и умолял оставить это намерение: оно предвещало счастливому любимцу царя столько опасностей от зависти вельмож, и без того уже не любивших его за это счастье, что он с ужасом смотрел на блистательную судьбу Наталии. Алексею Михайловичу приятно было видеть бескорыстную преданность верного подданного и друга. Он ласково поднял его и старался успокоить искренними уверениями о том, что никогда никакие причины не заставят его переменить расположение свое к тому, кто так часто дока-зывал ему свое усердие и верность.

По просьбе Матвеева царь не сказал в тот день Наталии ни слова о любви своей, но исполнил старинный обряд русских государей. Вы, верно, догадаетесь, друзья мои, что я говорю о том собрании красавиц, из которых царь обыкновенно выбирал невесту свою. Да, и в этот раз они съехались в Кремлевский дворец. Робко всходила на великолепное крыльцо царское и Наталия, с удивлением размышляя, отчего и ее – бедную и вовсе незнатную девушку – назначили в список невест. Подле нее шла нежная воспитательница ее, супруга Матвеева, которая знала причину этого назначения и очень желала сказать ее своей милой, ненаглядной питомице, но Артамон Сергеевич запретил это, и она молчала до тех пор, пока участь Наталии была тайной для нее самой и для всех, но с той минуты, как счастливая девушка названа была царевною и в великолепном наряде невесты государя приготавливалась принимать поздравления от всего двора, терпение доброй боярыни кончилось, и она сказала воспитаннице своей все, что знала о любви к ней государя.

Вот, милые читатели, подробности второго супружества царя Алексея Михайловича. Свадьба была 25 января 1671 года. Редкое счастье его и молодой царицы сделалось совершенным в достопамятный, навеки незабвенный для России день – 30 мая 1672 года. Это был день рождения Петра. Хотя у Алексея Михайловича и остались от первой супруги два сына, царевичи Феодор и Иоанн, но оба были такого слабого здоровья, что вовсе нельзя было надеяться на продолжительную жизнь их, и потому царь восхищен был рождением третьего! Может быть, счастливый отец предчувствовал славу новорожденного. Но небо отказало ему в блаженстве видеть, как чудесно развивались великие силы необыкновенного ребенка: младенчество Петра не протекло на глазах родителя – прежде чем исполнилось ему четыре года, Алексей Михайлович скончался.

Начало русского флота и первая победа Петра 1689–1697 годы

Петр осматривал однажды в селе Измайловском старые вещи, оставшиеся в доме прапрадеда его, Никиты Ивановича Романова. Вдруг замечает он между ними какую-то брошенную без употребления лодку, вовсе не похожую на те, какие делались тогда в России. С ним был в это время учитель его Франц Тиммерман. Любопытный царь спрашивает его, что это за лодка, и с удивлением узнает, что это английский бот, употребляемый на море при кораблях, и что на нем можно ездить на парусах по ветру и против ветра. Это была новинка, еще никогда не виданная Петром. О, сколь занимательной она показалась ему! Нетерпеливый царь хотел в ту же минуту пуститься на нем по Яузе, но бот был почти совершенно разрушен. Чтобы исправить его, тотчас приказано было искать плотника. К счастью, нашли того самого голландца Брандта, который строил этот бот при царе Алексее Михайловиче. Он починил, оснастил, спустил его на воду и некоторое время ездил перед глазами государя, стоявшего на берегу. Насмотревшись вдоволь, Петр сел вместе с Брандтом и сам начал управлять ботиком. С первого же раза новое дело пошло так хорошо, что плавание на ботике сделалось одной из любимых забав его. Здесь, к славе Петра, надобно сказать вам, милые читатели, что он в детстве боялся воды, и ему стоило больших трудов преодолевать этот природный страх. Но чего не сделает человек с твердой волей и истинным желанием успеха? В короткое время в Петре не осталось ни малейших следов прежнего страха.

Реки Яуза и Москва скоро показались малы для молодого царя, а небольшие поездки водой до села Коломенского уже не удовлетворяли его страсть к мореплаванию. В 1691 году выписаны были новые мастера из Голландии и построена корабельная верфь на озере Переяславском²⁸. Главный мастер Арриен Меетье должен был заложить две яхты одинаковой величины: одну для себя, другую для самого Петра. Да, друзья мои, Петр, прошедший всю сухопутную военную службу, хотел с такую же точностью узнать и морскую. Более того, он хотел иметь полное понятие не только о том, как надобно служить на корабле, но даже и о том, как надобно его строить. Вот два мастера принялись за работу: старший – Арриен – объяснял правила постройки и показывал их младшему – Петру. Собственными руками исполнял он все показанное ему, собственными руками клал каждую доску, вколачивал каждый гвоздь, и таким образом спустилась на воды Переяславского озера первая русская яхта. Она была *первой*, потому что царственный ученик опередил учителя и окончил работу свою прежде, чем окончена была Арриенова яхта. 1 мая 1692 года царь, восхищенный произведением своим, начал прогулки по озеру, а когда новый флот состоял уже из пяти судов, эти прогулки перестали быть простым катанием, а представляли собой морское учение и часто даже сражения. Царица Наталия неохотно смотрела на такие увеселения: нежная мать боялась новых опасностей, каким подвергал себя Петр, и старалась отвлекать его от моря, кораблестроения и вообще от многих нововведений, не нравившихся большей части его подданных. Петр всегда был послушным сыном и до самой смерти родительницы своей, случившейся в 1694 году и жестоко поразившей его²⁹, не предавался всей силе своего гения, не мог доводить до совершенства своих обширных намерений.

²⁸ Это озеро называется также Клешиным и находится во Владимирской губернии. Оно имеет в длину восемь, а в ширину семь верст.

²⁹ Горесть Петра трогательно выражается в письме его к тогдашнему архангельскому воеводе Феодору Апраксину. Это письмо начинается так: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце».

После кончины Наталии в действиях его стало заметно больше свободы. Не боясь уже огорчать ее, он с каждым годом смелее предавался страсти своей к мореходству и в мае 1694 года уже ездил в Соловецкий монастырь, а этот монастырь построен на Соловках – острове, лежащем на Белом море. Стало быть, в то время это было важное морское путешествие. Оно соединялось с большими опасностями, и смелый Петр едва не сделался жертвою их. По дороге его застигла такая сильная буря, что все находившиеся с ним люди потеряли надежду спастись, и даже сам он уже приготовился к смерти и, причастившись Святых Тайн, ожидал минуты гибели. Русский кормщик из простых крестьян один не потерял бодрости: счастливо провел он царскую яхту посреди подводных камней и пристал к берегу. Мы, русские, так много обязаны этому искусному кормщику, что непременно должны знать его имя: его звали Антип Панов. Петр в знак благодарности Богу за свое спасение поставил на том самом месте, где вышел на берег, деревянный, сделанный собственными руками крест, на котором вырезал следующую надпись на голландском языке: «Dat kruvs maken Captein Peter, van A. Cht. 1694»³⁰.

Несмотря на опасность путешествий по Белому морю, царь три года сряду возобновлял их. Знакомство с иностранцами, особенно с голландскими купцами, которых всегда было много в Архангельске, и разговоры с корабельщиками увеличивали морские познания его, самые путешествия, делаемые обыкновенно до Вологды сухим путем, а оттуда водой, доставляли ему новые опыты. В 1695 году уже заложена была вторая корабельная верфь в городе Воронеже, но прежде, чем готовы были строившиеся на ней суда, Петр занялся другим важным предприятием.

Я уже говорила вам, милые дети, о союзе, заключенном против Турции царевной Софией с австрийским императором и польским королем. Вы помните также и о тех двух походах в Крым, за которые правительница с несправедливой щедростью наградила любимца своего князя Голицына и все войско, ходившее с ним. Это было почти первой при-чиной неудовольствия Петра самовластным и дурным правлением сестры. Ему досадно было узнать, что русские могли с таким бесславием воевать с татарами, уже боявшимися их; еще досаднее было видеть, что за это самое бесславие их наградили, как самых храбрых воинов. Эта досада скрывалась в сердце его, пока София была повелительницей России, но как только власть ее кончилась, Петр начал заботиться о том, чтобы заставить позабыть неудачи русского войска в Крыму, тем более что они могли внушать Турции невыгодное мнение о силах наших и придавали татарам смелость делать набеги на наши владения. Но Петр, несмотря на всю свою молодость, был осторожен и благоразумен, как человек совершенных лет, и потому намерение его продолжать начатую войну с Турцией не было известно до тех пор, пока полки русские, обученные по-европейски, не привыкли к новому устройству, обещававшему больше успехов в сражениях с войском необразованным. Итак, не прежде чем в 1695 году молодой царь объявил народу, что для безопасности государства надобно отнять у турок город Азов, в котором они построили сильную крепость, чтобы помогать татарам делать набеги на русские области и укрывать их от преследований.

Многие из читателей моих, верно, знают из географии, что эта Азовская крепость и теперь существует еще в Екатеринославской губернии, на берегу реки Дон, в 30 верстах от Азовского моря. Но в ней едва приметны теперь следы знаменитого города Азова, который известен был еще в XI веке. Тогда он принадлежал половцам, часто побеждаемым нашими предками. В XIII веке завладели им генуэзцы и назвали его Тана, потому что до нашествия половцев на месте Азова был город Танаис, построенный греками. Надобно думать, что этот же самый Танаис половцы называли Азовом, потому что *Azuu* было имя одного из князей их.

³⁰ «Этот крест сделан капитаном Петром, 1694 год».

Танаис, Тана или Азов славился своей торговлей и богатством, но генуэзцы недолго владели им: в 1392 году он был отнят у них ханом Темир-Аксаком. Судьба Азова была чрезвычайно непостоянной: в 1453 году завоевал его у крымцев турецкий султан Магомет II, в 1639 году четыре тысячи донских казаков отняли его у турок, которые после двух походов, стоивших им очень дорого, снова возвратили несчастный город под власть свою и тогда уже превратили его в сильную крепость.

Вот эту крепость надобно было отнять у Турции для безопасности южных границ наших. Весной 1695 года 30-тысячное войско выступило из Москвы четырьмя отрядами. Первым командовал генерал Алексей Семенович Шеин, вторым – Патрикий Гордон, третьим – Франц Лефорт, четвертым – Артамон Головин. В отряде последнего были царские потешные, уже называвшиеся полками – Преображенским и Семеновским. К Преображенскому полку прибавлена была Бомбардирская рота, и в ней капитаном – сам Петр. Неописуемо было удивление, с которым предки наши смотрели на этого великого государя, покорного приказаниям своего начальника. Чудесно действовал на них этот необыкновенный пример: он заставлял их стремительно бросаться во все опасности. Да и можно ли было бояться этих опасностей? Петр совершенно по-братски разделял их с ними, безо всякого страха, часто даже безо всякой осторожности бросался в самую середину сражения. Так, однажды он преследовал турок со своими двумя полками до самых стен Азовской крепости. Но все чудеса храбрости, показанные русскими во время этого похода, окончились только тем, что взяты были две сильно укрепленные турками каланчи, построенные на берегах Дона в шести верстах от Азова, для того чтобы не пускать русские суда по Дону и тем затруднять подвоз съестных припасов нашему войску. К тому же случилось еще происшествие, остановившее успех войны: инженер Яков Янсон, за что-то рассердившийся на генералов, заколотил вверенные ему пушки и перешел на сторону неприятеля. Эта низкая измена причинила столько вреда русским, что они должны были отступить и отложить войну до следующего года.

Не нужно говорить вам, милые друзья мои, с какой заботливостью занялся Петр приготовлениями ко второму походу: все вы уже имеете понятие о неутомимости этого удивительного государя! Узнав на опыте, как необходим флот для взятия приморского города, Петр обратил главное внимание свое на постройку судов на Воронежской верфи. Целую зиму там работали беспрестанно, и к весне готовы были 2 фрегата, 4 брандера, 2 галиота и 23 галеры. Адмиралом этого как будто бы волшебною силой явившегося флота сделан был один из главных помощников Петра в чудесных делах его – Лефорт. Под начальством его были вице-адмирал де Лима, родом генуэзец, и контр-адмирал Лозер. Главкомандующим над сухопутным войском был генерал Шеин.

Отправляясь в мае 1696 года в этот второй поход под Азов, молодой государь был печален: незадолго перед тем, а именно 29 января, он лишился брата, которого любил со всей нежностью сына. Многие историки называют царя Иоанна Алексеевича *слабым*. Но один из них, Галем, вот что говорит о нем: «Откровенно признаваясь в телесных и душевных своих недостатках и отдавая всенародно преимущество пред собою младшему своему брату, он показал более величия души, нежели многие, почитающие себя умными и сильными». Если прибавить к такому описанию уважение и привязанность его к Петру, то нельзя не оценить достойно этого кроткого государя. Не знаю, как вы, милые читатели мои, но я очень люблю доброго Иоанна Алексеевича и жалею, что он рано скончался и не прожил, по крайней мере, еще несколько месяцев: тогда он услышал бы, с какой славой любимец души его – его несравненный Петр кончил Азовский поход, увидел бы торжественное возвращение его в Москву, и счастье милого брата утешило бы нежное сердце страдальца. Да, друзья мои, не позднее чем 19 июля того же 1696 года Азов, стесненный с моря и с сухого пути искусными распоряжениями Петра и его генералов, принужден был сдаться. Победитель

позволил жителям выйти и взять с собой столько имущества, сколько можно было унести на руках, но потребовал за это выдачи изменника Янсона, и воля его была исполнена.

Петр, обладая всеми прекрасными качествами души, имел также и необыкновенную скромность. Несмотря на самое деятельное участие свое в осаде Азова, он приписал весь успех своим полководцам и войску и хотел, чтобы не он, а они торжественно въехали в Москву.

День, назначенный для торжественного въезда, был 30 сентября. При входе на каменный мост построены были триумфальные ворота. По правую сторону их стояла на пьедестале статуя Марса с надписью: «Марсовою храбростию». У ног Марса лежал татарский музз с луком и колчаном, за ними – два скованных татарина и надпись:

Прежде на степях мы ратовались,
Ныне ж от Москвы бегством едва спасались.

По левую сторону ворот стояла статуя Геркулеса с надписью: «Геркулесовскою крепостию». У ног его лежал азовский паша в чалме и два скованных турка опять-таки с надписью:

Ах! Азов мы потеряли
И тем бедств себе достали!

Резвые читатели мои! Не вздумайте подшучивать над этими стихами. Вспомните, что в то время еще не существовали поэты, которыми мы гордимся теперь, и потому не удивляйтесь, если я скажу вам, что эти самые строки, которые заставляют вас так лукаво улыбаться, казались прекрасными нашим прапрадедушкам.

Но возвратимся к первым триумфальным воротам русским: мы рассказали только о самой маленькой части тех чудес, которыми они были испещрены в торжественный день 30 сентября. Вход в ворота был украшен золотою парчой. По своду написано было золотыми буквами: «Приидох, видех, победих». Посреди свода висел зеленый лавровый венок, наверху парил двуглавый орел с тремя коронами. Кроме того, по сторонам ворот возвышались две пирамиды, перевитые зелеными ветвями, а от них вдоль моста расставлены были огромные живописные картины. На одной представлен был приступ к Азову, на другой – морское сражение с надписью:

На море турки поражены.
Оставя Москве добычу, корабли их сожжены.

Перила моста и все улицы, ведущие к Кремлю, были увешаны дорогими персидскими коврами, по обеим сторонам дороги стояли стрельцы, не бывшие в походе. Теперь мы знаем, друзья мои, в каком блестящем виде приготовилась Москва встретить возвращавшихся победителей. Посмотрим же на порядок, в каком эти победители вступали в радостную столицу. После множества конюших, карет, колясок и богато убранных верховых лошадей, принадлежавших или царю, или генералам, ехала торжественная колесница, сделанная в виде раковины, украшенная золотом и запряженная шестью серыми лошадьми. В этой колеснице сидел тот, кого Петр хотел почтить более всех, – Лефорт. На нем был белый морской мундир, обшитый серебряными галунами. За колесницей шли все морские офицеры и матросы, бывшие под начальством его, и все находившиеся на русской службе иностранцы. После множества знамен, сопровождаемых трубачами и литаврщиками, несли большое знамя государево, на котором изображен был Спаситель. За знаменем ехал боярин и большой воевода, т.е. главнокомандующий, Алексей Семенович Шеин в черном бархатном кафтане, в шапке

с белым пером и с обнаженной саблей в руке: это было второе лицо торжества. После него ехал воевода артиллерии Вельяминов-Зернов, за которым солдаты тащили по земле турецкие знамена и вели пленника – мурзу Аталыка. За этим ехал дивизионный генерал Артамон Головин, полковник Семеновского полка Чамберс и, наконец, капитан Преображенского полка Петр, в простом офицерском мундире, пешком со своею ротой.

Какая картина могла быть прекраснее, величественнее, удивительнее этой! Надобно было только взглянуть на торжественную колесницу Лефорта и на молодого Петра в его капитанской одежде, чтобы понять все превосходство, все величие государя, посланного Богом счастливой России! С равным восторгом смотрели на него и русские, и иностранцы, с равною любовью они были преданы ему, и потому с равным негодованием все увидели в конце шествия, за бомбардирами и пушкарями, изменника Янсона; его везли на телеге под укрепленной на ней виселицей, над которой виден был турецкий полумесяц с надписью: «Ущерб луны». На шее у него была петля, на груди – дощечка со словом «злодей». Нельзя было без ужаса смотреть на этого низкого и жалкого человека! Взоры всех, с презрением отворачиваясь от него, отдыхали на светлых, благородных лицах Лефорта и Шеина. Особенное удовольствие приметно было в обоих генералах в ту минуту, как они подъезжали к триумфальным воротам. Здесь снова встретили каждого из них с приветствием в стихах. Эти стихи уже не были надписью, но были сказаны сверху ворот «гением» в такую огромную трубу, что весь народ мог внятно слышать каждое слово.

Знаменитый день 30 сентября кончился царскими милостями, щедро розданными всем участвовавшим в походе, и разными увеселениями, которые царь любил делать для народа в торжественные праздники. Эти увеселения состояли чаще всего из иллюминаций и фейерверков. Последние, как любимая забава царя, за три года перед тем уже давались двором во время Масленицы и в разные другие праздники и сначала очень удивляли предков наших; особенно простой народ долго не мог понять, по какому чуду эти прекрасные разноцветные огни летали по воздуху. И как бы вы думали, кто занимался этим делом? Сам Петр! Он не только приготавливал собственными руками фейерверки, но часто даже сам зажигал их.

Окружавшие его удивлялись, как этот великий ум мог в одно время заниматься важными делами и мелочами. Впрочем, зажжение фейерверка, соединенное в то время с опасностями, еще не могло назваться совершенной безделицей, но часто случалось, что Петр среди самых глубокомысленных размышлений о каком-нибудь великом предприятии писал письма к архангельскому воеводе о том, чтобы он купил для него лимонов, и рассказывал в том же письме, каким образом приготовить их, чтобы доставить к нему неиспорченными, или отдавал приказание о починке какой-нибудь вещи из одежды своей, или, наконец, сам принимался за эту починку: так, не один раз он сам чинил башмаки свои. Когда приближенные его громко удивлялись такой беспримерной деятельности и, по мнению их, излишней для царя бережливости, Петр обыкновенно отвечал им своей любимой пословицей: Кто не бережет денежки, тот сам не стоит рубля.